

Фрэнк Макгиннесс
ТОТ, КТО ПРИСМОТРИТ ЗА МНОЙ

Frank McGuinness
SOMEONE WHO'LL WATCH OVER ME

© 1992

Перевод с английского

Павла Шишина

pavel.shishin@gmail.com

Do Bhrian Fear Cróga¹

¹ Брайану – храброму человеку (*ирл.*)

Действующие лица

Майкл

Адам

Эдвард

Место действия

Тюремная камера

Время действия

Наши дни

ПРОЛОГ

В темноте слышен голос Адама, который тихонько напевает песню «Someone to Watch Over Me». Медленно зажигается свет, и голос становится чуть громче.

Адам перестаёт петь. В тусклом свете различим только его силуэт.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Полный свет. Элла Фицджеральд поёт песню «Someone to Watch Over Me».

В тюремной камере Эдвард и Адам. Оба прикованы порознь цепями к стене: Эдвард – в центре, Адам – справа. Цепи достаточной длины, чтобы не сковывать движений во время тренировки.

На Эдварде свободная синяя футболка и белые футбольные трусы. На Адаме чёрная футболка и серые трусы.

Оба тренируются молча. Адам тренируется основательно, Эдвард выполняет упражнения с неохотой.

Эдвард. Это была песня Эллы Фицджеральд, «Тот, кто присмотрит за мной».

Адам. Что?

Эдвард. Моя восьмая и последняя песня на «Необитаемом острове». А также мой окончательный выбор песни. Старая добрая Элла. У вас в Америке слушают «Необитаемый остров»?

Адам. Нет. Что это?

Эдвард. Ты называешь восемь песен и из восьми самую любимую. Потом выбираешь предмет роскоши. Потом книгу, кроме Библии и Шекспира. Они уже есть на необитаемом острове. Я взял книгу «Домашнее приготовление пива», а из предметов роскоши – набор пивовара. И Эллу Фицджеральд, которая будет для меня петь. Я был бы счастлив на необитаемом острове. Мне много не надо. У меня лёгкий характер.

Пауза.

Господи, скучно, скучно, охренеть как скучно. А в Челтнеме они несутся вверх по холму, и Крылатая Заря слабеет, она слабеет, великая ирландская кобыла не осилит уникальный дублет Челтнемского стипль-чеза и «Золотого кубка», она устала, она перескакивает барьер и в воздухе набирается сил, она выматывает соперников, обходит одного, обходит другого, третьего, и вот уже виден финишный столб, она смогла, она выиграла. Для Ирландии, Зоренька, могучая девочка. Она выиграла «Золотой кубок».

Пауза.

Господи, как жалко, что у меня не было денег на неё поставить. Зоренька. Я рассказывал тебе про Крылатую Зарю?

Адам. Это твоя любимая лошадь. Она участвовала в двух самых важных скачках и выиграла обе. Она была изумительна. Ты любил её и готов был на ней жениться, но у вас ничего бы не вышло. Она лошадь, а ты человек. Кроме того, она протестантка, а ты католик, и ты уже был женат. Ты рассказывал мне про Крылатую Зарю.

Эдвард. Язвительный янки. Она был героем, эта лошадь.

Адам. «Селтик» из Глазго тоже были, когда выиграли Кубок европейских чемпионов, но о них я тоже не хочу слышать.

Пауза. Адам усердно тренируется.

Сколько отжиманий ты сделал?

Эдвард. Не считал.

Адам. Сколько?

Эдвард. Двадцать.

Адам. Неправда.

Эдвард. Пятнадцать.

Адам. Неправда.

Эдвард. Двенадцать.

Адам. Одиннадцать. На одно больше, чем вчера.

Эдвард. Да.

Адам. Давай, Эдвард, надо двигаться. Нам надо привести тебя в форму. Ты сам знаешь и сам согласился. Устроим соревнования, когда будешь в форме.

Эдвард. Плевать мне и на соревнования, и на форму.

Пауза.

Адам. Да, да, понимаю, о чём ты. Кого я хочу одурачить? Кого, чёрт возьми, я хочу одурачить? Себя. Вот кого. Нет, никаких размышлений. Никаких самообвинений. Иначе я не выдержу. А я выдержу.

Пауза.

Эдвард. Скучно, скучно, Господи, скучно.

Пауза.

А я возьму и буду думать.

Адам. Я не стану думать.

Эдвард. А я возьму и буду себя ругать.

Адам. Не надо.

Эдвард. Пытаюсь представить, где бы я был, если б не приехал сюда.

Адам. И где б ты был, если б не приехал сюда?

Эдвард. Сидел бы дома и думал, каково было бы оказаться здесь.

Адам. Да.

Эдвард смеётся.

Эдвард. «Есть люди, которым не сидится дома, и наш Эдди, вот он из таких». Мой отец так говорил, и был прав, был прав. Не раз и не два. Он должен стать большим человеком, этот парень, не знать никогда усталости, не знать никогда покоя. И где он очутился теперь? Далеко за морем. Не в Амэрике и даже не в Австралии, а в землях сраного Ливана. Господи, до того, как приехать, я его даже на карте бы не нашёл. Променять одну дыру дома на другую дыру здесь – Боже мой, посмотри вокруг. Грязь. Прикован к стене цепью. Без женщин. Кормят, как свиней. Знать не знаешь, день сейчас или ночь. Знать не знаешь, кто из родных твоих жив, кто умер. Даже в сортир сходить – кто-то из них прицепит к себе наручниками и смотрит, как работает твой собственный кишечник. Жара, пыль, вонь. Гнусная дыра. Но я скажу одно. Лучше быть здесь, чем в Страбане.

Адам. А что там в Страбане?

Эдвард. Если захочешь убедиться, что Бога нет, поезжай в Страбан. Суший ад, вот он, милый Страбан. Там не так страшно, как в Оме. Ома, Ома, Господи, убереги всех нас от Омы. В Оме есть собор и больница. Больница больше похожа на собор, напоминает Шартр. Как-то раз я трахался с одной женщиной в Оме. Утром на трезвую голову я взглянул на неё и подумал, что это мужик.

Адам. Ты был женат, когда трахался с ней?

Эдвард. Не помню. Почему ты спросил?

Адам. Поддерживаю разговор.

Эдвард. Осуждаешь.

Адам. Не осуждаю.

Эдвард. Нет, послушай. Ты даёшь мне молоть всякую чушь, запоминаешь, потом оцениваешь. Вот уже два месяца оцениваешь; как по-твоему, что я за человек? Какое, скажем, у меня было детство?

Адам. Очень счастливое, мне кажется. Ты не упоминаешь о матери. Это странно. Ещё одно странно. Ты редко говоришь про своих детей.

Эдвард. Редко.

Адам. Почему?

Пауза.

Даже через два месяца не хочешь сказать?

Эдвард. Я их не знаю. Работать так без продыха, рисковать так головой – это про меня. Весь в отца, да и только. Я не знал его слишком долго. Вот и их не знаю. А теперь не узнаю никогда. Потому что мы здесь надолго. Они станут уже взрослыми, когда я увижу их снова. Если ещё увижу.

Адам. Ты ирландец. Из нейтральной страны. Тебя отпустят.

Эдвард. А я что, так не думал? Я что, не размахивал зелёным паспортом у них перед носом, не кричал: «Ирландия, Ирландия»? Мне всё равно сунули в жопу автомат и приволокли сюда. Зелёный паспорт, нейтральная страна? Им-то какое дело? Не пори ерунды, Адам. Мы выйдем отсюда стариками. Застряли мы здесь.

Пауза.

Застряли мы здесь.

Адам снова начинает тренироваться.

Бога ради, угомонишься ты наконец? Вы, американцы, можете хоть чуть-чуть постоять спокойно?

Адам. Ты бы хотел, чтоб я был арабом?

Эдвард. Я не настолько обожаю арабов. Ветер задувает им песок под юбки, а чесаться им не позволено. Из-за этого зуда они и становятся такими. Нервными.

Адам. Ты и сам сегодня немного нервный.

Эдвард. А ты никогда не злишься?

Адам. Когда злюсь, на тебе не срываюсь.

Эдвард. А стоило бы. Мне б тогда нашлось против чего воевать.

Адам. Ненавижу воевать.

Эдвард. Ненавидишь, правда? Я думал, война – это наша работа, для каждого по-своему. Я о ней пишу, ты – а что ты делаешь на войне? Когда мы освещали заваруху на Севере, кого мы терпеть не могли, так это итальянцев. Я помню почему. Больше всего им нравилось фотографировать детей. Детей в слезах, детей, разорванных на куски, желательно, мёртвых детей.

Адам. Мёртвые дети меня не интересуют. Я не фотограф.

Эдвард. Да, ты... кто? Тот, кто выставляет войну делом приятным, праведным и научным. Стоишь себе в стороне, изучаешь, как война влияет на невинные молодые мозги. Как это мило, доктор. Свихнувшиеся молодые мозги. Тебе ведь надо, чтобы они свихнулись, да, доктор? Исследования, публикации, прибыль, как я и говорил. Заработать денег. Совсем как я, Адам. Такая работа. Деловой подход, Адам. Очень прибыльный. Очень американский.

Адам. Сволочь ты.

Эдвард. Деньги, Адам, ты поехал ради денег.

Адам. А ты-то сам ради чего? По твоим собственным грязным признаниям...

Эдвард. Это мои грязные признания. Я и говорю, что поехал сюда ради денег. И ты тоже, хоть и молчишь. Так кто из нас сволочь? Ты.

Адам. Так бы и врезать тебе по роже. Я тебя убью, сука. Если сейчас же не замолчишь, я тебя убью.

Эдвард. Не дотянешься, Адам. Даже если б мог, ты на это не способен.

Адам. Заткнись.

Эдвард. Ты не убийца. Разве это плохо, доктор?

Адам. Они меня ещё не сломали.

Эдвард. Арабы? Нет. А вот я сломал тебя, Адам. Так ведь?

Адам. Почти. Зачем?

Эдвард. Самое время тебя сломать. Ты думаешь, у тебя на всё есть ответы. Не на всё. Я нащупал в тебе такое, на что у тебя нет ответа. Как тебе удаётся сохранять спокойствие, я не знаю, но я знаю, что однажды у тебя от этого поедет крыша, это неизбежно, и лучше, если мы оба будем к тому готовы. И ещё: раз уж здесь мы с тобою вместе, мы должны выдержать вместе до конца. Мы выберемся отсюда живыми. Одна просьба: я буду вести себя с тобой как скотина, а ты веди себя как скотина со мной. Идёт? Так, говоря твоими словами, нас не сломают – мы привыкнем биться за нашу жизнь.

Адам. А мы выберемся живыми?

Пауза.

Мне бывает так страшно. Я скучаю по дому.

Эдвард. Вот и всё, что я хотел услышать.

Адам. Услышал. Доволен?

Эдвард. Сказал – и на шаг ближе к дому.

Адам. Эд, не ломай меня. Не дай мне сойти с ума. Скажи, что тоже хочешь домой.

Пауза.

Эдвард. Я хочу домой.

Адам. Скажи ещё раз.

Эдвард. Я хочу домой.

Адам. Всё хорошо, Эдвард.

Эдвард. Я хочу к жене.

Адам. С ней всё хорошо.

Эдвард. К детям, хочу их увидеть.

Адам. Увидишь.

Эдвард. К жене, к детям – пожалуйста, можно мне их увидеть? Богом прошу! Можно мне поговорить с ними? Можно мне домой?

Адам. Нет.

Эдвард. Я хочу домой. Арабы, арабы...

Адам. Нет.

Пауза.

Эдвард. Мы сойдём с ума.

Адам. Мы в Ливане.

Эдвард. Да.

Адам. Я в Ливане.

Эдвард. И я.

Эдвард поёт «Someone to Watch Over Me». Его голос постепенно смолкает, а музыка продолжает звучать. Свет гаснет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Музыка продолжает звучать, пока над сценой зажигается свет.

В камере появился Майкл. Он тоже босиком. На нём белая футболка и чёрные трусы. Он прикован цепью к стене слева.

Майкл спит. Адам читает Библию, рядом лежит открытый Коран. Эдвард лежит изогнувшись и смотрит на Майкла.

Эдвард. До сих пор никаких признаков жизни от новенького. Как думаешь, долго он пролежит в отключке?

Адам. Скоро должен очнуться.

Эдвард. Жалко дурака. Вот будет потрясение, что рассвет так и не наступит. Он уже часов двенадцать без сознания. Да, скоро уж придёт в себя.

Адам. Да, должен.

Эдвард. Хоть повеселее с новой компанией. Надеюсь, он говорит по-английски. Боже, надеюсь, нам час пик тут не устроят. Как думаешь, сколько ещё они смогут сюда зачихнуть?

Адам. Не знаю, Эдвард.

Эдвард. Хоть бутылку воды ему оставили. Проснётся, пить захочет – зальёт жажду. Залей своё горе, парень, и утри слёзы. Скорбь и плач в этой долине слёз.

Адам. Из Библии.

Эдвард. Что?

Адам. Долина слёз.

Эдвард. Так вот что ты читаешь? Библию?

Адам. Да.

Эдвард. Как мило с их стороны оставить нам Библию и Коран.

Адам. Можно скоротать время.

Эдвард. Тебе.

Адам. Если хочешь почитать, возьми любую.

Эдвард. Ни за что. Терпеть не могу религию. Никакую. Вредно.

Адам. Можно скоротать время.

Эдвард. С религией?

Адам. За чтением.

Эдвард. Почему ирландцы такие религиозные?

Адам. Почему?

Эдвард. Я задал вопрос.

Адам. Наверное, потому, что вы всё время благодарите Бога.

Эдвард. За что?

Адам. За то, что не бельгийцы.

Эдвард. Этот парень малость смахивает на бельгийца. Может, немец. Надеюсь, что нет.

Пауза.

Немцы, голландцы – уже весь запад скупили в Ирландии. Всюду таблички: «Посторонним вход воспрещён!»

Пауза.

Трудно ему будет, если не говорит по-английски.

Адам. Я говорю по-немецки. Немного.

Эдвард. Рад за тебя.

Адам. Ты находишь предосудительным, что я говорю по-немецки?

Эдвард. Есть немного, дурачило.

Адам. Я не дурачина.

Эдвард. Я не сказал – дурачина, я сказал – дурачило, дурачило.

Пауза. Адам снова принимается за чтение.

Отличное слово. «Дурачило». Мне нравится.

Пауза.

Ты бы не читал при таком свете. Глаза ослепнут.

Пауза.

Странно, арабы почти не носят очки.

Адам. Они не мастурбируют.

Эдвард. Как же они справляются?

Адам. А ты? Мастурбируешь?

Эдвард. Никогда.

Адам. Я тоже.

Эдвард. Ну, только в шесть утра, не раньше. Надо же соблюдать хоть какие-то приличия.

Адам. Мой рекорд – пятнадцать раз за ночь, и никаких угрызений совести.

Эдвард. Арабки?

Адам. Только американки. Я люблю американок.

Эдвард. У меня была одна фантазия с арабкой. На ней был только чадра. А на мне – юбка из травы.

Адам. Зачем?

Эдвард. Она была с причудами. Я это люблю. Они делают женщину неповторимой. Хорошая фантазия.

Адам. А я люблю, когда есть небольшая прелюдия.

Эдвард. Прелюдия? В фантазиях?

Адам. Ирландцы не любят прелюдий?

Эдвард. Мы их изобрели, прелюдии. Называется спиртное.

Адам. Что заводит твою жену?

Эдвард. Бутылка водки. А твою женщину?

Адам. Она из Калифорнии. Любит представлять, будто спит с Богом. Вот что её заводит. Песнь Песней, песня Соломонова. «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина... Куда обратился возлюбленный твой? Возлюбленному моему я принадлежу, а возлюбленный мой – мне... Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!»²

Эдвард. Неплохо. Кой-какие женщины на это западают.

Адам. Я возбуждаю её, потом она меня.

Эдвард. Как?

Адам. Говорит, у меня такой хер, что и осёл подавится.

Эдвард. Господи, вот это хер!

Адам. Вот это осёл!

Майкл. Я прошу прощения. Где я?

² Цитаты из Библии приводятся по тексту Русского синодального перевода.

Эдвард. Так это ж ты!

Майкл. Простите?

Эдвард. Не узнаёшь? Мы в школе вместе учились.

Майкл. Не припоминаю.

Эдвард. В Итоне же? Или в Харроу?

Майкл. Нет, я не... Где я?

Эдвард. В офицерском клубе, англосакс. Малость неряшливом, но ничего, привыкнешь. Мы привыкли. Ну, как там во внешнем мире?

Майкл. Кто вы? Зачем я здесь?

Эдвард. Кино посмотреть. А потом, если повезёт, может, ещё и покормят.

Адам. Ну, хватит, Эдвард. Как ты, дружище?

Майкл на грани истерики.

Майкл. Я просто хочу знать, где я и кто вы такие.

Эдвард. Не ори, придурок! Хочешь, чтоб нас избили?

Майкл. Я пошёл на рынок, хотел купить фруктов, груш, я пригласил несколько человек из университета на ужин и на десерт хотел приготовить грушевый пирог, и я шёл на рынок...

Эдвард. Грушевый пирог?

Майкл. На десерт. Я пригласил на ужин гостей.

Эдвард. Значит, останутся голодными, дорогуша.

Майкл. Почему я прикован к стене?

Адам. Тебя взяли в заложники.

Майкл. Похитили?

Эдвард. Да.

Адам. Меня зовут Адам Каннинг. Я из Америки.

Эдвард. Эдвард Шеридан. Из Ирландии.

Майкл. Я из Англии.

Эдвард. Ну, ещё бы!

Майкл. Кто меня похитил?

Адам. Мы точно не знаем.

Эдвард. Не очень-то они разговорчивы.

Майкл. Зачем меня похитили?

Эдвард. Затем, что ты англичанин. Такая чудовищная несправедливость. Подлянка.

Майкл. Зачем забрали всю мою одежду?

Адам. На всякий случай, чтобы ты не сбежал.

Майкл. О, Господи, я прикован к стене!

Эдвард. Это точно. Как и мы, блять. Так что радуйся лучше.

Майкл. Что значит – радуйся?

Эдвард. Смейся, да, Адам? Так мы здесь выживаем. Смеёмся над всем подряд. Не любишь веселья? Нет чувства юмора?

Адам. Кончай измываться над человеком.

Майкл. Давно вы здесь?

Адам. Четыре месяца.

Эдвард. Два месяца.

Майкл. Меня зовут Майкл. Майкл Уоттерс.

Эдвард. Так что творится во внешнем мире, Мик? Ничего, если я буду звать тебя Мик? Много про нас слышать?

Майкл. Простите?

Эдвард. Люди про нас говорят? Про наших что-нибудь слышно? Что делается, чтобы нас освободить?

Майкл. Я не знаю.

Эдвард. Что значит – ты не знаешь?

Майкл. Я совсем недавно приехал в Бейрут, ещё ни с кем толком не познакомился...

Эдвард. Должны же про нас говорить...

Майкл. Упоминают мимоходом...

Эдвард. «Упоминают мимоходом»? А им известно, что нам приходится переносить?

Адам. Про нас забыли?

Майкл. У них своя жизнь. Если они станут задумываться ещё и об этом, о вас, они... они...

Адам. Что?

Пауза.

Они что?

Майкл. Я не знаю. Я в самом деле ничего не знаю о политической ситуации в Ливане. Я приехал учить английскому. Я преподаю английский. Вот и всё. Вот зачем я пригласил на ужин гостей. Чтоб немного узнать что к чему. Я шёл на рынок. Хотел купить на десерт груши. Меня остановили. У них было оружие. Я так перепугался. Я сказал им, что я просто учитель английского из университета. Я так перепугался. Господи, где я? Пожалуйста, отпустите меня. Отпустите.

Адам. Ну, хватит. Нельзя им слышать, как ты ревьешь. Они следят за каждым твоим словом. И ждут, что ты заревешь. Никогда так не делай. Говорю тебе, не реви. Они только того и ждут. Поэтому не реви. Смейся. Слышишь меня? Смейся.

Майкл. Не могу.

Адам. Смейся, чтоб тебя!

Майкл. Нет.

Эдвард принимается громко смеяться. Замолкает. Адам громко смеётся, Эдвард вместе с ним. Оба замолкают.

Адам. Давай, Майкл. Смейся.

Пауза.

Смейся.

Майкл смеётся.

Громче.

Майкл смеётся громче. Адам и Эдвард тоже начинают смеяться. Оба замолкают. Адам жестами показывает Майклу не останавливаться. Он продолжает смеяться.

Молодец. Вот так и надо делать. Они слышали, что ты смеёшься.

Майкл. Что они теперь будут делать?

Адам. Подожди – увидишь.

Пауза.

Они сегодня в мирном настроении.

Эдвард. Даже не смеются в ответ.

Адам. Задание выполнено, Майкл. Первый этап.

Майкл. Кто они?

Эдвард. Враги.

Адам. Кормят ничего. Каждый день приносят бутылку воды. Дают пользоваться туалетом, но ходят вместе с нами. Одних не оставляют. Пока что справляемся. Мы постоянно в цепях, вот что противно. Есть Библия и Коран, можно почитать. А хуже всего то, что никак нельзя узнать, что происходит в мире

Эдвард. Нельзя даже Всемирную службу Би-Би-Си послушать.

Адам. Да, нельзя.

Эдвард. Никаких контактов с внешним миром – у которого свои дела.

Адам. Будто в Китайском квартале.

Пауза.

Эдвард. Ты женат?

Майкл. Овдовел, к несчастью, несколько лет назад. Детей нет.

Эдвард. А собаки?

Майкл. Кокер-спаниель и золотистый ретривер. Они дома у матери. Под Питерборо. Она живёт...

Пауза.

Она живёт там. Под Питерборо.

Пауза.

Адам. Я был врачом.

Эдвард. Ты им и остался. Журналист, я.

Майкл. Я потерял должность в университете. Теперь мало преподают древний и среднеанглийский язык. Умирающая дисциплина. Рационализация ресурсов. Как говорят. А раз найти работу я смог только здесь, я сюда и приехал. Мне очень нужна работа. Мне говорили, что тут опасно. Я беспокоился. Но запретил себе бояться. Вот и приехал.

Адам. И попался.

Майкл. Да.

Эдвард. Да.

Пауза.

Ты как, ничего?

Адам. Привыкнешь. Со временем.

Пауза.

Эдвард. Кто собирался прийти на ужин?

Майкл. Я готовлю грушевый пирог.

Пауза.

Всё, вроде бы, идёт очень хорошо, просто очень хорошо, газ горит, пора ставить пирог в духовку, и тут я понимаю, что нет груш. Груши. Я забыл груши.

Свет гаснет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Эдвард листает Коран. Майкл сидит с закрытыми глазами. Адам бежит на месте.

Адам. В кино бы сходить.

Эдвард. Угу.

Адам. А-а, я бы сейчас посмотрел хорошее кино.

Майкл. Да.

Эдвард. Ты любишь кино?

Майкл. Люблю.

Эдвард. А я-то надеялся, ты больше из книголюбцев.

Пауза.

Майкл. Хорошие книги мне тоже нравятся.

Пауза.

Но сейчас я бы охотнее посмотрел кино.

Эдвард. Почему ты говоришь «кино»? Англичане же говорят «фильм»?

Майкл. Просто сказал «кино». Что тебя не устраивает?

Эдвард. Как-то странно звучит.

Майкл. А, извини.

Эдвард. За что – извини?

Майкл. За то, что не сказал «фильм». Раз это тебя оскорбляет.

Эдвард. Ничуть.

Майкл. Тогда зачем ты завёл об этом речь?

Эдвард. Поговорить.

Адам перестаёт бегать.

Адам. В кино бы сходить.

Эдвард. Ты уже говорил. Мы не глухие.

Адам. Да.

Пауза.

Майкл. А я бы не хотел быть кинозвездой.

Эдвард. Почему?

Майкл. Мне кажется, у актёров довольно скучная жизнь.

Эдвард. Да.

Адам. Да.

Пауза.

Эдвард. Да, скучная.

Адам. Да.

Майкл. Да.

Эдвард. Нет.

Майкл. Нет.

Эдвард. Что значит – нет? Ты же только что сказал «да».

Майкл. Я соглашался с тобой. Я думал, ты соглашаешься со мной. Вот и сказал «нет».

Эдвард. Ты, когда с кем-то соглашаешься, говоришь «нет»?

Майкл. Если они говорят «нет», то да.

Эдвард. Так да или нет?

Майкл. Что?

Эдвард. Заткнись.

Пауза.

Давайте смотреть кино. Снимай кино. Англичанин приезжает в Ливан.

Адам. Будучи прекрасно воспитан, он приглашает на ужин гостей. Не то чтобы ему нравились эти люди, но они говорят по-английски и, кажется, знают, что к чему в этом городе, поэтому наверняка смогут помочь ему здесь выжить. Он хочет угостить их ужином. Но есть одна загвоздка. Еда. Собрав всё своё мужество, он идёт по улицам города Бейрута в поисках продуктов. К своему изумлению он видит невдалеке тех самых людей, которых пригласил на ужин. Он окликает их, но они не отзываются. Он окликает снова, идёт за ними следом, они направляются в кварталы Бейрута, которых он не знает. Он идёт следом, он оказывается в ловушке, он видит их впереди, опять зовёт их. Они оглядываются. Они уходят. Конец фильма.

Пауза.

Хичкок. Вот кто снял это кино.

Эдвард. Терпеть не могу Хичкока.

Адам. Почему?

Эдвард. Из-за концовок.

Адам. Да.

Пауза.

Снимай ещё кино.

Эдвард. В Бейрут приезжает монашка. Приезжает исполнить свой христианский долг: помогать сиротам в этом беспокойном городе. Она находит друга – козу, которая бродит по разорённому войной городу. Она приветствует козу, как старого союзника, поёт ей под гитару. Маленькие дети, заслышав песню, подпевают, словно по волшебству выучив английский. Счастливая компания объединяет силы, они сражаются с жестоким врагом, наставляют весь Ливан немедленно свершить великое дело – возлюбить ближнего своего. Но не все рады успехам сестры. В неё стреляют; в её гитару тоже. Прижимая изрешечённый пулями инструмент к её телу, дети уносят труп мёртвой монашки.

Адам. Её играет Мадонна.

Эдвард. Пока несут тело, слетаются стервятники. Они жадно взирают на мёртвую монашку.

Адам. Всей сворой они устремляются вниз на мёртвое тело. Они терзают её плоть. На белых лошадях приезжает шайка арабских мачо. Как красива конская плоть в сравнении с истерзанной плотью мёртвой девственницы! Они достают автоматы и отстреливают стервятникам головы.

Эдвард. Постановка Сэма Пекинпа.

Майкл. Посреди этого кошмара раздаётся музыка. Сквозь толпу мачо идёт человек, проповедующий мир. На нём набедренная повязка. Он выступает против насилия. Он говорит о цивилизации. Это человек мира.

Адам. Фильм Ричарда, блять, Аттенборо.

Эдвард. К счастью, в этот момент, танцуя и размахивая косами, появляется толпа крестьян. В изумительно снятой сцене они завоёвывают сердца жестоких арабов, ведь среди крестьян оказывается инвалид, у которого есть мечта – стать артистом. Благодаря матери и своему решительному характеру он таки становится обладателем Оскара, он берёт статуэтку ухом...

Адам. Боже, нет, только не ирландское кино...

Эдвард. И живут они поживают да добра наживают.

Пауза.

Мы в жопе.

Майкл. Похоже на то.

Эдвард. Как настроение?

Пауза.

Давай, скорми нам дозу выдержки и упорства. Подними наш боевой дух, старина. Расскажи нам всё про войну. Сколько парней пережили то, что приходится нам. Прекрасный пример для всех нас. Послушаем во славу британцев!

Пауза.

Выродок несчастный. Совсем раскис, что ли? А?

Пауза.

Майкл. Я боюсь вас ничуть не больше, чем их.

Эдвард. Английский характер! Послушаем во славу...

Майкл. Я не шучу. Я вас не боюсь.

Адам. Он не боится тебя, Эдвард.

Эдвард. Он не боится тебя, Адам.

Адам. Он не боится ничего.

Эдвард. Ничего.

Майкл. В этом чудовищном положении...

Эдвард. В этом чудовищном положении...

Майкл. В котором мы оказались...

Эдвард. В котором мы оказались...

Майкл. Я решительно не понимаю, как издевательства надо мной...

Эдвард. Я решительно не понимаю...

Майкл. Могут каким-либо образом облегчить...

Эдвард. Облегчить... облегчить... облегчить... облегчить... облегчить.

Майкл. Вы хотите, чтобы я признал, что боюсь вас?

Пауза.

Вы этого от меня хотите?

Пауза.

Это что, каким-то извращённым способом поможет вам самим меньше бояться, потому что вы оба очень боитесь, и я нахожу совершенно омерзительным, что вы вместе ополчились против меня по единственной причине поддержать друг друга в борьбе против них. Мы здесь все вместе. Не забывайте. Пропаду я – пропадёте и вы.

Пауза.

Адам. Снимай кино.

Эдвард. В Ливане в одной камере сидели три дурака. Англичанин, ирландец и американец. Почему они в камере – никто не знает, а почему в Ливане – даже сами они не знают.

Адам. Американца поймали первым. Пока он сидел один, он боялся сойти с ума.

Эдвард. Ирландца поймали вторым. Он сошёл бы с ума без американца. К этим двум дуракам садят третьего дурака, англичанина.

Майкл. Англичанин не знал, что пребывание в камере в Ливане сводило тех двоих с ума. Произошедшее с ним похищение представляется ему настоящим безумием, и он старается не потерять голову вопреки жестоким провокациям...

Эдвард. Не дав себя запугать, он вселил в них уверенность, что они не сошли с ума.

Адам. И по-своему, насколько возможно, они благодарны ему за это.

Пауза.

Майкл. Вы оба такого страху на меня нагоняете.

Эдвард. Вот и англичане на меня всегда нагоняют страху. А уж чёртовы американцы...

Майкл. Да, они вообще все чокнутые...

Эдвард. Можешь себе представить, каково было сидеть здесь с этим янки...

Майкл. Да, беспокойно, должно быть...

Адам. Это что ещё за хрень?

Майкл. Перестать бы нам сквернословить. С тех пор, как я с вами, моя речь стала хуже некуда. Я в самом деле считаю, что мы им уступаем, когда позволяем себе опускаться до вульгарности – нет, веду себя, как ханжа. Прошу прощения.

Пауза.

Ещё я хотел бы сказать, что считаю фильм Ричарда Аттенборо очень хорошим. Он провёл больше двадцати лет, создавая «Ганди», и это признание его порядочных, продуманных и достойных уважения политических взглядов...

Эдвард. Майкл?

Майкл. Что?

Адам. Чёрт.

Майкл. Ну да, он немного затянут, этот «Ганди».

Пауза.

Адам. Интересно, что сделал бы Сэм Пекинпа с жизнью Ганди?

Эдвард. Ганди бы застрелили в самом начале.

Майкл. Вообще-то, в фильме Ричарда Аттенборо Ганди застрелили в самом начале.

Эдвард. Точно?

Майкл. Да.

Пауза.

А в Ливане водятся стервятники?

Адам. В смысле?

Майкл. Ну, в фильме, где стервятники пожирают Мадонну, это может произойти в Ливане?

Пауза.

Шутка не удалась.

Пауза.

Знаете, стервятники весьма опасные создания. Я не очень разбираюсь в их пищевых привычках, но однажды я слышал по радио удивительное описание...

Адам. Майкл, я – Сэм Пекинпа. Это пистолет.

Целится пальцем в Майкла.

Ты покойник.

Стреляет в Майкла.

Эдвард. Какая бессмысленная человеческая потеря.

Майкл. Как думаете, мы выберемся когда-нибудь отсюда?

Пауза.

Какая им может быть выгода держать нас в заложниках?

Пауза.

Моя мама не очень здорова. Она будет беспокоиться обо мне. Как думаете, они хотя бы сообщат ей, что я жив? Я понимаю, это, наверное, не слишком разумно – беспокоиться о матери, когда мы в том положении, в котором оказались, но я беспокоюсь, я очень беспокоюсь – я просто хотел бы знать, сказали они маме, чтобы не беспокоилась...

Адам. Сказали, я уверен.

Эдвард. Да.

Майкл. Да.

Пауза.

Трудно не беспокоиться, да же?

Эдвард. Да.

Майкл. Да.

Адам. Хорошо, что ты не боишься.

Пауза.

Майкл. Мы ведь можем просидеть здесь долго.

Пауза.

Адам. Это моя главная претензия к «Ганди». Слишком он долгий, этот фильм. Очень долгий.

Свет гаснет.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Адам тихонько покачивается вперёд и назад, напевая «Someone to Watch Over Me». Проснувшийся Майкл сидит, переводя взгляд с Адама на Эдварда. Эдвард спит.

Эдвард что-то бормочет во сне. Адам чуть слышно шепчет.

Адам. Мама и папа, мама и папа, мама, папа.

Майкл. Невероятно, как мало здесь хочется спать. Ты тоже не слишком хорошо спишь, Адам.

Адам. Адам выиграл грант, Адам стал членом «Фи-бета-каппа», вы мной гордитесь?

Адам продолжает петь «Someone to Watch Over Me».

Майкл. Эдвард, конечно, спит без задних ног.

Адам. Нет, они слишком заняты, слишком много воспитанников, за ними надо следить. В нашем доме мы рады всем нашим маленьким обездоленным братьям и сёстрам. Наш вклад в строительство новой Америки. Так они думали, пока остальная Америка сама себя смывала в сортире. И Адам очень нам помогает.

Майкл. Как ты помогал?

Адам. Адам умница. Может, слишком большая умница. Как это может быть? Адам слишком много тревожится. Если ему позволить, он заберёт все наши тревоги. Избавьтесь от ваших тревог, предки, избавьтесь от воспитанников. Избавьтесь от сраных воспитанников. Господи, помоги мне. Я хочу – чего я хочу? Спать... просто спать. Не могу. Потому что когда засыпаю, мне снятся сны. Снятся мать и отец, и я слышу все ссоры в этом воинствующем доме. Снится моя девушка. Снится её семья. Снюсь я сам. И мне так страшно, потому что во сне я больше не узнаю сам себя. Господи, помоги мне. Господи, помоги мне. Вытащи меня отсюда. Прошу тебя. Тише, тише, малыш. Не плачь. Я с тобой, я с тобой, мама с тобой. Она сильная. Папа любит тебя. Пожалуйста, не теряй рассудок, добрый, хороший Адам, нам так нужна твоя сила.

Пауза.

Майкл. Тяжело видеть, как ты страдаешь. Разбудить Эдварда?

Адам. Нет.

Майкл. Лучше бы он не спал.

Адам. Сколько ты уже здесь?

Майкл. Четыре недели и три дня, я веду счёт.

Адам. Веди, да. Первый месяц ты ещё считаешь. И второй месяц. На третий месяц появился Эдвард. Ты начинаешь узнавать его ближе, четвёртый месяц. На следующий месяц он узнаёт тебя. Потом ты хочешь его убить. Или покончить с собой. А самый

плохой месяц, этот месяц, когда ты не хочешь, чтобы тебя убили. Чего ты хочешь – это отправиться домой. Всё время хочешь домой. Хочешь услышать голос американца, любого американца, только бы не свой собственный. Как вы смеете? Я американец. Как вы смеете так поступать? Я американец.

Эдвард просыпается.

Эдвард. Адам, какого чёрта?

Адам. Как вы смеете так надо мной издеваться?

Эдвард. Что с ним случилось?

Майкл. Он американец.

Эдвард. Успокойся, Адам, успокойся.

Адам. Что я вам сделал?

Эдвард. Это я, это Эд, это я. Майкл здесь. Это мы.

Пауза.

Всё хорошо. Всё хорошо.

Пауза.

Адам. Мне надо будет хорошо выглядеть.

Майкл. Ты отлично выглядишь, Адам.

Пауза.

Адам. Они нас не изуродуют. Мы их самый ценный актив.

Майкл. Знаешь, я нахожу в этом некоторое утешение. Когда я потерял работу в университете, я чувствовал себя лишним. Большую часть жизни я посвятил созданию кафедры, и – оп-ля! – злая ведьма взмахнула разок палочкой, и всё пропало. Так что приятно почувствовать себя ценным. Нужным в каком-то смысле.

Пауза.

Мерзко, да?

Адам. Кто такой американец?

Эдвард. Тот, кто родился в Америке.

Адам. Американец – это, повторяю, ценный актив. Призовое имущество. Призовое, да, ценное, но не любимое. За голову американца всегда назначена цена. И у себя в голове американец верит в назначенную за него цену, потому что у них рыночная экономика, а при этой экономике всё имеет цену. Но та же рыночная экономика утверждает, что в

зависимости от сделки цена может отличаться. И ценный актив, призовое имущество, этот американец не может регулировать свою собственную цену. А кто не может регулировать, тот в жопе. Я американец, я араб, я в жопе. Вот что между нами общего.

Пауза.

Как умерла твоя жена?

Майкл. Нита? Авария. Без неё жизнь стала другой.

Пауза.

Нита конечно бы не захотела, чтобы я превратился в плакучую иву, поэтому... жил дальше, словно, ну, ничего не случилось. Кое-что случилось. Как специалист я изменился. До её смерти у меня было множество идей для публикаций. Ничего особенного. В основном об английских диалектах. Однако, после аварии я просто читал староанглийские элегии и средневековые романы и преподавал, как мог. Ничего не публиковал. Утратил и жену, и честолубие. Отсутствие публикаций не поспособствовало при рационализации. Ну, такое случается.

Эдвард. Это нас так развеселило.

Майкл. А это было не для того, чтоб тебя развеселить. И даже не для твоих ушей. Я говорил с Адамом, который задал мне вопрос. Тебе получше, Адам?

Адам. Нет, ненавижу эти трусы.

Майкл. Тут уж ничего не поделаешь.

Адам. Я хочу пару плавков. Хочу надеть самый большой подарок человечеству от моей страны. Чистые, белые плавки. Бельё для мужчин. Вот почему арабы их не носят. Если у них трусы без дырок, они же письку свою не найдут. Я хочу пару плавков. Хочу убить араба. Только одного. Швырнуть его тело под ноги матери с отцом, жене, детям, и сказать: «Это я сделал, я, американец. Теперь можете меня обвинять. Вы оправданы в том, что сделаете со мной. Вы это заслужили». Я хочу увидеть, как их лица наполнятся ненавистью. Настоящей ненавистью. В могуществе своём я хочу этого.

Пауза.

Дай мне Коран, дабы прочёл я о могуществе.

Читает из Корана.

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Поистине, Мы ниспослали его в ночь могущества!
А что даст тебе знать, что такое ночь могущества?
Ночь могущества лучше тысячи месяцев.
Нисходят ангелы и дух в неё
с дозволения Господа их для всяких повелений.
Она – мир до восхода зари!

Пауза.

Она – мир, эта ночь могущества.³

Пауза.

Мир в доме, где спят воспитанники. Мир всем, кроме Адама в его голове. Горит голова его. Позабыл он приличия. Языком треплет. Причиняет боль. Простите мне, сёстры мои и братья мои, что усомнился, будто вы сёстры и братья. Простите, враги мои, что назвал вас врагами своими. В доброй книге вашей лежит путь к могуществу и миру.

Целует Коран.

Пришёл я в сад мой, о, возлюбленная.

Жительница садов! товарищи внимают голосу твоему, дай и мне послушать его.

Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических...

О, возлюбленный мой, зачем обратился ты от меня?

Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне.

Эдвард. Ну, письма будем писать?

Адам. Пора?

Майкл. Какие письма?

Адам. Домой.

Майкл. А они их отправят? Нам дадут ручку и бумагу?

Эдвард. Научи его, Адам.

Адам. Нет, ты первый. Пиши жене.

Эдвард. Здравствуй, жёнушка! Как, напомни, тебя зовут? Шутка. Здесь нет обратного адреса, потому что я не знаю, где нахожусь; впрочем, как всегда, сказала бы ты. Ты знаешь, я не силён писать письма, но я знаю, что ты ждёшь от меня известий, я надеюсь. У меня всё хорошо, держусь молодцом и верю, что ты и вся наша семья тоже. Теперь со мной двое: американец Адам, который скоро собирается жениться, и мы поедem к нему на свадьбу, только придётся продать дом; и Майкл, он англичанин. Этим всё сказано. Я не больше твоего понимаю, зачем я здесь. Это ужасно – разлучать мужчину или женщину с семьёй, если они ничего не совершили. Да, я, возможно, сглупил, что приехал в эту страну, но я так хотел, и ты бы никогда не стала меня удерживать... вот почему я... потому что ты – такая. Скажи мальчишкам, чтоб болели за «Манчестер Юнайтед». Забыли про «Ливерпуль». Вперёд, «Юнайтед»! Ещё скажи, что их сестра – самый лучший футболист из всех троих. Почему? Потому что она скверная маленькая нахалка. Красивая, но вредная. Вся в отца. Думал тебя рассмешить, но хочу только одного – услышать твой голос. Твой муж Эдвард.

³ Коран, сура 97, перевод И. Ю. Крачковского.

Р. С. Что значит – какой Эдвард?

Адам. Круто, Эдвард. Майкл, попробуешь?

Майкл. Здравствуй, мама! У меня всё очень хорошо. Прости, что обстоятельства не позволяют мне звонить тебе каждое воскресенье, как было обещано. Я проживаю вместе с американцем и ирландцем, и поэтому меня часто захлёстывает поток эмоций, которым я не поддаюсь. Охранники, которые нас сопровождают, чудовищно замкнуты. Точь-в-точь как наши ужасные соседи, надменные Шокроссы. По счастью, Шокроссы не носят автоматы и ножи. Надеюсь, новый священник переменится к лучшему и оставил свою затею петь народные песни или танцевать клог на празднике урожая. Прошу тебя, не поддавайся на уговоры в этом участвовать. Эдвард, ирландец, любит футбол. Надеюсь, «Питерборо Юнайтед» побеждают, ведь я, как ты знаешь, тоже слежу за футболом. Я пишу это письмо в первый день месяца. На счастье. Надо сказать «кролики». На счастье. Так что – кролики. Твой любящий сын Майкл.

Ну, давай, Эдвард. Начинай сразу.

Эдвард. Начинай что?

Майкл. Нападай на меня, что написал матери. Педик английский. Мне всё равно. Со мной это уже было. Если хочешь знать, некоторые даже удивлялись, что я женился. Сидит тут, ухмыляется.

Эдвард. Я даже рта не раскрыл.

Майкл. Я прочитал в твоём письме. Здравствуй, жена, здарсьте, дети. Болейте за «Манчестер Юнайтед». Меня чуть не стошнило.

Эдвард. Я ему хоть слово поперёк сказал?

Майкл. Сидит тут, злорадствует...

Эдвард. Мне что, вскочить и станцевать джигу?

Майкл. Я похоронил жену. Я не могу ей написать. Я слышал твоё письмо. Это нападки на меня.

Эдвард. Да я вообще о тебе не думал.

Майкл. «Тут с нами англичанин. Этим всё сказано».

Эдвард. Ты попал в эту камеру...

Майкл. Это не камера. Я в комнате. Я никогда не был в тюрьме и никогда не буду. Как ты смеешь сажать меня в камеру?

Эдвард. Ладно, ты попал в эту комнату...

Майкл. В комнату, да.

Эдвард. Мы пытались тебе помочь.

Майкл. Помочь? Как? Тычешь мне в лицо своей женой. Тычешь мне в лицо своими детьми. У меня нет никого. Да, тебе повезло. Мне нет. Вот что ты хочешь сказать, да?

Эдвард. Адам, ты начал этот балаган, ты и заканчивай.

Майкл. Ничего он не будет заканчивать. Глумишься надо мной, что написал матери.

Эдвард. Слышь, парень, мы тут все сидим в камере смертников, и что тебя заботит, урод безмозглый? Что я над тобой смеюсь! Додуматься же надо, ты, английский...

Адам. Араб? Английский араб? Ирландский араб? Да, парни? Господи, этим мужикам даже не придётся рвать нас на части. Мы сами себя разорвём на части.

Пауза.

Могу я теперь написать письмо? Моя очередь?

Пауза.

Здравствуйте, мама и папа! Вот и я, по-прежнему в дерьме. С нами теперь ещё и парень из Англии, по имени Майкл. У Эдварда всё прекрасно. Я держусь молодцом. Нет, неправда. Простите, если расстрою вас, дорогие мои, но вы помните, я писал, что иногда, даже запертый в этой клетке, чувствую себя зверем, за которым охотятся. И охотники всё ближе и ближе. Я чувствую запах оружия. Как-то ночью мне снилось, что я умер. Вы стояли и смотрели на меня. Папа, ты протянул руку к моему мёртвому телу, и, когда дотронулся до меня, я ожил. Надеюсь, этот сон сбудется. Я скоро умру. Порой по ночам я слушаю тишину и думаю о том, что мы все до одного умрём. Я не знаю, что теперь делать. Нам можно выйти из камеры только в туалет. Обычно закрывать дверь нам не разрешают. Но в этот раз араб взял и захлопнул дверь. Я долго простоял там. Когда дверь распахнулась, меня ждали уже трое. И один из них поднял руку и наставил на меня палец.

Адам поднимает руку с вытянутым указательным пальцем.

Меня определили первым. С того случая у меня в голове слегка помутилось. Может, я просто всё это выдумал. Но я чувствую этот наставленный на меня палец, и мне очень страшно. Я люблю вас. Адам.

Пауза.

Что мне делать, парни? Они держат меня за задницу, а на мне нет даже плавок. Я чувствую запах нефти. Они смажут мою задницу нефтью и затрахают меня до смерти. Прямо в задницу, детка. Прямо в задницу. Меня убьют из-за нефти?

Пауза.

Значит, сегодня первое число месяца, Майкл?

Эдвард. Я не позволю. Они тебя не убьют.

Адам. Скажи «кролики». На счастье. Скажи.

Майкл. Кролики.

Адам. Кролики. На счастье. Кролики. Кролики.

Свет гаснет.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Эдвард сидит – он только что проснулся. Адам сидит согнувшись и, напевая себе под нос песню «Someone to Watch Over Me», читает Коран. Майкл лежит, спит.

Эдвард. Уснул – проснулся, уснул – проснулся, что ещё тут делать, а, Майкл? Что тебе снится? Мамочка в Питерборо? Мы тебе снимся, Майкл? Мы?

Пауза.

Адам, хочешь, потренируемся немного?

Адам продолжает напевать песню.

Майкл, ты ещё спишь?

Адам. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Эдвард. Полюбуйтесь на него. Дрыхнет, как здоровенное дитя. Сопит себе в пелёнку. Капризничать стал меньше. Видать, зубки уже прорезались.

Адам.

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Мы ниспослали тебе Коран.
Поминай имя Господа твоего.
Ты изрекаешь ложь, будто глас воздаяния.
Но есть над тобой надсмотрщики,
Есть над тобой надсмотрщики,
Надсмотрщики, над тобой, над тобой
Мы ниспослали на землю тебе Коран,
Поминай имя Господа твоего.
Скажи неверным: не поклоняюсь я тому, чему вы поклоняетесь,
И вы не поклоняетесь, чему поклоняюсь я,
Но вам – ваша вера, а мне – моя вера.
Вам – ваша вера, мне – моя вера.
Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Пауза.

Эдвард. Вам – ваша вера, мне – моя вера? Коран?

Пауза.

Избави нас от уверовавших в непогрешимость свою. Непогрешимость во имя Господа, немилостивого и немилосердного, ибо подобен он им в вечной непогрешимости. Я уже видел всё это дома. Как перепуганные засранцы, задыхаясь от страха, готовятся совершить жертвоприношение. Их дело правое, а если неправое – помоги им, Господи. А если их дело правое – Господи, помоги нам. Как устроен мир – вот чего я боюсь, ибо судьба моя – бояться, сказал слепой, когда трахал собственную мать.

Адам. Надеюсь, ей понравилось.

Эдвард. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Адам. А если он не такой?

Эдвард. Значит, не такой.

Адам. Как же нам тогда быть?

Пауза.

Как нам быть?

Эдвард. Оставаться мужчинами.

Адам. И что?

Эдвард. Идти навстречу судьбе.

Адам. А потом?

Эдвард. Бросить ей вызов. Бросить им вызов. Сражаться с ними. Не выказывать перед ними боли.

Адам. Никогда.

Эдвард. Никогда.

Пауза.

Адам. Первое, что стало сводить меня здесь с ума, то, что никогда не знаешь, день сейчас или ночь. По-моему, ночь.

Эдвард. Так и есть.

Адам. Ты боишься темноты?

Эдвард. В этой комнате всегда темно. Во тьме я чувствую, как враг окружает меня. Прислушивается, ждёт, что я сломаюсь, заплачу. Они думают, я в их власти. Да, мы в их власти, все трое. Им решать, жить нам или умереть. От них зависит. Но кое-что зависит и от меня. От меня одного. Из-за того, что со мной сделали, я что, перестал быть мужчиной? Не перестал. Это они, заперев меня здесь, перестали быть мужчинами. Не важно, ради чего они это делают, они всё равно уже не мужчины. Я вот что хочу сказать: я лучше любого из них – я не стал бы вот так их мучить. Это мой выбор. Они поступают, как им прикажут. Я поступаю по собственному выбору. В цепях, у всех на виду, но в пух и прах пока что не разбитый. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного.

Пауза.

Адам. Все мы в их власти.

Эдвард. От нас зависит.

Адам. Судьба?

Эдвард. Соберись, тебе говорят. Соберись.

Пауза.

Адам. Ты присмотришь за Майклом? Он боится всё больше и больше.

Эдвард. Он учится драться за свой угол.

Адам. Не получится у него.

Эдвард. Думаешь, он правда был женат? Что жена в нём нашла?

Адам. Что твоя жена в тебе нашла?

Эдвард. Побольше, чем глоток воды, уж поверь мне.

Адам. Ты ему нужен.

Эдвард. Всё, хватит болтать. Что ты ведёшь себя, как будто уже не здесь? Выкинь эту дурь из головы. Ты всё ещё ценный товар. Мы их призовые тёлки. А тёлки выставляют напоказ одних и тех же. И будь в одном уверен. Если эти ребята тебя порешат, я не заставлю себя ждать у жемчужных врат. Если я останусь один с Майклом, я сам себя порешу.

Адам. Покончишь с собой? Ты? Никогда.

Эдвард. Плохо ты меня знаешь. Ты же ни разу не был на собрании союза журналистов. Самая медленная из всех известных форма самоубийства.

Майкл. Вы говорите о самоубийстве?

Эдвард. Ты не спал, что ли, паскуда?

Майкл. Только что проснулся. Вы что-то говорили о самоубийстве?

Адам. А ты не пытался?

Майкл. После смерти Ниты я, конечно, думал об этом. Она меня отговорила.

Эдвард. Призрак её приходил?

Майкл. Не городи ерунды. Нет на свете никаких призраков. Я просто представил себе, что говорю с ней. Она, как всегда, дала мне прекрасный совет. Я ему последовал.

Адам. И какой совет?

Майкл. Сделать грушевый пирог. Она обожала мой грушевый пирог.

Эдвард. Если я ещё хоть слово услышу про этот сраный грушевый пирог...

Майкл. Вот честно, у ирландцев такой очаровательный акцент, но своей грубостью они сводят на нет всё очарование. Иначе я мог бы сказать, что у них самый прекрасный диалект в английском языке.

Эдвард. Диалект?

Майкл. Гиберно-английский – очень красивый диалект. Эти елизаветинские обороты, эти синтаксические странности, которые, я полагаю, восходят к ирландскому языку, сибиллянты...

Эдвард. Ты сказал – диалект.

Майкл. Это и есть диалект. Гиберно-английский.

Эдвард. Язык, на котором я говорю, – не диалект английского.

Майкл. Тогда какой? Португальский?

Эдвард. Называй, как хочешь. Это не диалект.

Майкл. Ты крайне невежественный человек.

Эдвард. Да ну? Слушай, ты, английское хайло, я тебе говорю – хайло, времена уже не те. Было время, ты и твоя порода разевали это самое хайло, распоряжались, командовали миром, потому что это был ваш язык. А теперь нет. Мы забрали его от вас. Сделали своим. И превзошли вас в нём. Вы думали, что вырезали нам языки, что мы сидим в углу, ревём и причитаем. Слушай. Кончились причитания. Мы бились с вами и вашим языком и победили. Неплохо для народа, который восемьсот лет подвергался угнетениям, дружок, – говорю как человек, который лишь на одно поколение отстоит от обездоленных.

Адам. Эдвард, ты окончил университет. Живёшь в более чем прекрасном доме. Много зарабатываешь. Какой ты к чёрту обездоленный?

Эдвард. Говорю же, одно поколение назад. И есть те, кого я считаю ответственными за эти лишения. Он – один из них.

Эдвард показывает на Майкла.

Майкл. Подобное обвинение исторически не обосновано.

Эдвард. Помнишь Голод? Великий голод?

Майкл. Голод в Ирландии был чудовищным явлением. Я не отрицаю его тяжести. Но прости. Как я могу нести личную ответственность за то, что произошло тогда? Это было, блять, сто пятьдесят лет назад!

Эдвард. Это было вчера.

Майкл. Не строй из себя идиота, Эдвард.

Эдвард. Я ирландец.

Майкл. Тогда могу я тебе, ирландцу, задать один вопрос, раз уж я несу личную ответственность? Меня кое-что смущает в вашем Голоде. Может, вам надо винить только собственную глупость?

Эдвард. Адам, я его зарежу.

Майкл. Довели себя – целиком зависеть от картошки! Нельзя было найти более сбалансированный рацион? Морковь хороша на вкус. А хлеб, сыр?

Эдвард. Боже!

Майкл. Вот это по-вашему! Совершенно по-ирландски! Взывать к Богу, чтобы решить свои проблемы. Ну, а что если он ответит: «Стань протестантом»? Что тогда?

Эдвард. Некоторые из нас стали протестантами.

Майкл. И что с ними произошло?

Эдвард. Мы сожрали их без соли.

Майкл. Какими сытными они, наверно, оказались.

Адам. Парни, надоело.

Майкл. Это он меня довёл. Ты сам слышал.

Пауза.

То, в чём ты меня обвиняешь, – несправедливо, но я и сам наговорил много бездумного, как и ты, а ты обвиняешь меня лично.

Эдвард. Ни в чём я тебя не обвиняю.

Майкл. Адам свидетель. Ты заявил, что я несу личную ответственность за восемьсот лет притеснений.

Эдвард. Я пошутил. Чувства юмора у тебя нет?

Майкл. У меня отличное чувство юмора.

Эдвард. Чувства юмора у тебя, как у моей жопы.

Майкл. Бедная твоя жопа, что никуда не деться от тебя.

Адам. Парни, хватит, парни.

Майкл. Это нелепо. Он ничего не делает, чтобы облегчить это чудовищное положение. Иногда мне даже кажется, что он на их стороне. Я ничем его не обидел. Но он кидается на меня, зная, что я сам не свой от неизвестности, жива моя мать или умерла, и останусь я сам в живых или умру. Можно же поддерживать хоть видимость любезности в этой чудовищной... чудовищной... Совершенно нелепо. Если ты намеревался разозлить меня, тебе восхитительно удалось.

Пауза.

Прошу прощения за чудовищную несдержанность. Я чуть не навлек на всех беду своей чудовищной несдержанностью.

Пауза.

Я наговорил глупостей.

Пауза.

Эдвард. Я повёл себя глупо.

Майкл. Эгоистично. Как и я. Мы не подумали про Адама.

Эдвард. Адам простит.

Майкл. Конечно, Адам простит, но если Адам хочет пожаловаться...

Эдвард. Адам так и сделает.

Майкл. Адам чересчур...

Адам. Э, мудилы, Адам здесь. Сам за себя ответит.

Майкл. Разумеется, Адам!

Эдвард. Так точно, Адам!

Адам. Вот и заткнитесь. Пока вы здесь, я тоже здесь. Окей?

Пауза.

Майкл. А замечательно будет, если нас выпустят вместе, да? Обещайте приехать в Питерборо посмотреть на собор. По-моему, это самое восхитительное здание во всей Англии. Когда я был маленьким, я и правда думал, что там живёт Бог.

Эдвард. Команда футбольная неплохая, «Питерборо Юнайтед».

Майкл. Эдвард, они ни разу не выбирались из четвёртого дивизиона.

Эдвард. Один год были в третьем. Вылетели – вроде, какой-то скандал из-за денег?

Майкл. Мы об этом не говорим.

Эдвард. Никогда бы не подумал, что ты болельщик.

Майкл. Все хранят чему-нибудь верность.

Эдвард. Это точно. Милый старый грязный Дублин. Когда вы приедете, я проведу вас на Дарте. Это поезд, который ходит вдоль берега в Дублине, из Хоута в Брей. Из Хоута в Брей. Рахени, Хармонстаун, Коннолли, Тара, Сэндимаунт, Бутерстаун, Бутерстаун – Боже,

видеть эти названия, произносить их! В Бутерстауне есть птичий заповедник. Туда прилетают зимородки. Я как-то видел одного. Показал дочери.

Пауза.

Вы помните, как поют птицы?

Пауза.

«Птицелов из Аляскатраса» – отличный был фильм.

Адам. Аляскатрас у меня рядом с домом. Когда я привезу вас в Сан-Франциско, во Флемонт, мы переедем залив и пойдём в Китайский квартал – там самые лучшие рыбные рестораны в Америке. Омары, омары и ещё омары.

Пауза.

Всё будет окей.

Пауза.

Всё-всё будет окей.

Майкл. А вы знаете, что ещё никто так и не прояснил этимологию слова «окей»?

Эдвард. Что, совсем?

Майкл. Теория Джексона Каменной Стены моя любимая. Ты, наверное, слышал, Адам. Она связана с Гражданской войной в Америке...

Эдвард. На той войне погибло много ирландцев.

Майкл. В основном, сражаясь за сохранение рабства.

Эдвард. Докажи!

Майкл. «Унесённые ветром».

Эдвард. Чего?

Майкл. С именем Скарлетт О'Хара она едва ли была родом из Лондона.

Адам. Майкл, давай про теорию Джексона Каменной Стены.

Майкл. Говорят, он так и не научился ни читать, ни писать, и когда подписывал бумаги, всегда ставил внизу страницы «ок», потому что слово «абсолютно» писал с «о», а слово «верно» – с «к».

Эдвард. Ни читать, ни писать не мог?

Майкл. Так говорят.

Эдвард. Значит, неграмотный полностью?

Майкл. Выходит так, да.

Эдвард. Если человек полностью неграмотный, он не то что прочитать или написать правильно не сможет, он и неправильно не сможет. Откуда он знал про «о» или «к», если неграмотный?

Майкл. Да. Это несколько рушит теорию Джексона Каменной Стены.

Эдвард. Рушит. Несколько.

Майкл. С теорией рискованно иметь дело в любых научных вопросах. Взять хотя бы самоё лингвистику...

Эдвард. Дёрнуло же меня!

Майкл. Я утратил интерес к современной лингвистике много лет назад. Все эти жаркие споры вокруг разногласий Блумфилда – Хомского. Это всё уже так устарело. Теории Хомского сами по себе...

Эдвард. Угодили в собственную жопу.

Майкл. Ну, в общем, да.

Пауза.

Эдвард. Хочу сигарету. Хочу выпить.

Майкл. Сейчас бы чашку чая.

Пауза.

Эдвард. По херу – загуляю и напьюсь. Кто со мной? Адам, угощаю, что ты будешь пить?

Адам. Пиво.

Эдвард. Может, мартини?

Адам. Тогда водку-мартини.

Эдвард. Лимон или оливку, сэр?

Адам. Лимон – и – оливку. Я ценитель водки-мартини.

Эдвард. Майкл, что пьёшь?

Майкл. Мне, пожалуйста, херес.

Эдвард. Херес? Хорошо. Сладкий херес?

Майкл. Полусладкий.

Эдвард. Один маленький полусладкий херес – заказ принят.

Майкл. А, фиг с ним – сделайте большой.

Эдвард. Да, фиг с ним.

Адам. Эй, мне не почудился тут аромат экзотического зелья, что переходит из рук в руки сего почтенного собрания? Дайте-ка сюда. И ещё одну водку-мартини.

Эдвард. Заказ принят, сэр. И мне то же самое. Будем! (*Кричит.*) Стойте! Тихо!

Майкл. Что?

Эдвард. Слушайте. Слышите? Закройте глаза. Вы услышите. Дверь – она открылась. Кто-то идёт.

Пауза.

Они. Услышали, как мы веселимся. Знают, что мы пьём. Не открывайте глаза. Они здесь. Смотрят на нас. Злятся. Видите их?

Пауза.

Им не нравится. Хотят нам помешать. Что будем делать?

Пауза.

Адам. Пить.

Пауза.

Эдвард. Пить?

Майкл. Пить.

Эдвард. Пить.

Выпивают залпом воображаемые бокалы.

Мы их ослушались. Стоят, растерялись. Берём их тёпленькими. Что нам с ними делать? Гляньте-ка сюда, парни. Полный бочонок «Гиннесса». Утопить кого-нибудь хватит. Утопить их в пиве? Утопить их? Утопить?

Пауза.

Майкл. Только «Гиннесс» напрасно переведём.

Эдвард. Молодец, Майкл, что верно, то верно. Так может, дадим им сесть? Может, и им места хватит? Пригласим их на праздник?

Адам кивает.

Садитесь, парни, в ногах правды нет. Представьте, что на свадьбе или ещё где – без разницы. Споём. Поговорим. Как водится во всём мире. Выпейте, если хотите. Мы не расскажем. Заходите.

Адам. Зайдут?

Эдвард. Им решать. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного. За вас и за веру вашу, и за меня – а что? Что за меня? За счастливый день, когда отпустят меня, живого. Будем, мужики. Попразднуйте – хоть одну ночь. Давайте. Побудьте с нами.

Майкл. Что они делают?

Эдвард. Остаются. Арабы – они песню любят. Они слышали, мы отлично поём.

Эдвард поёт песню «Безбрежна гладь»:

Безбрежна гладь, что ни обойти,
Ни облететь бескрылым нам.
Где лодку взять да весло найти,
Любви и мне плыть по волнам?

Любовь нежна и любовь добра,
И свежестью пленяет нас.
Любви цвести недолга пора –
Увянуть ей настанет час.

Плывёт корабль – паруса туги,
В морскую синь ушёл по грудь.
Но глубже я в зыбуне любви –
То ль выплыть мне, то ль утонуть...

Адам подпевает Эдварду.

Адам и Эдвард.

Безбрежна гладь, что ни обойти,
Ни облететь бескрылым нам.
Где лодку взять да весло найти,
Любви и мне плыть по волнам?⁴

⁴ 'The Water Is Wide', народная песня.

The water is wide, and I can't cross o'er,
And neither have I wings to fly.
Give me a boat that can carry two,
And both shall row, my love and I.

For love is gentle and love is kind,
And love is sweet when first it's new,
But love grows old and waxes cold
And fades away like morning dew.

There is a ship and it sails the sea,
She's loaded deep, as deep can be,
But not as deep as the love I'm in,
I know not how I sink or swim.

В конце песни Майкл, а следом Эдвард и Адам, звенят цепями. Внезапно наступает тишина.

Эдвард. Тихо у них там. Видать, ускользнули куда-то наши арабы.

Майкл. Понравилось им?

Эдвард. Не сказали.

Майкл. Задохнуться можно от такой невоспитанности.

Эдвард. Эти ребята никогда не разговаривают. Молчание – вот их сила. Неосторожный разговор стоит не одной жизни. Это нацарапано на каждой стене от Белфаста до Дерри. Доводилось мне встречаться с такими ребятами. Поехал как-то раз в Ньюри, там снова начались возмущения, и по дороге остановил, идиот, машину подвезти какого-то с виду подзаборника. Он сел в машину, и тут я увидел у него рюкзак. Я ничего про рюкзак не сказал, начал заводить разговор – ни фиги. От него – ни слова, кроме да и нет. В конце концов я у него спросил – что в рюкзаке? Он посмотрел на меня и говорит: «Не твоё собачье дело!» Меня пот прошиб. Мы как раз подъезжали к полицейскому блокпосту, я остановил машину и снова спросил про рюкзак. Он в ответ: «Не твоё собачье дело!» Я сказал: «Забирай рюкзак и выметайся из машины». Он открыл дверь да как побежит! А рюкзак остался лежать. Я, уже слепой от пота, открыл – открыл рюкзак. Открыл.

Майкл. Что было в рюкзаке?

Эдвард. Не твоё собачье дело.

Все тихо смеются, но Майкл тем не менее растерян.

Майкл. Эдвард, что было в рюкзаке?

Эдвард. Майкл, я пошутил.

Майкл. А, понял, понял! В рюкзаке же не было ничего. Отлично! (*Смеётся.*) Очень смешно, Эдвард.

Эдвард. Время для историй. Мик, ты нынче в ударе. Рассказывай.

Майкл. Есть одна жутко печальная история. Староанглийская поэма, называется «Странник».

Эдвард. Мы хотим весёлую.

Майкл. Есть очень весёлая средневековая история – называется «Сэр Орфео». Вообще-то в её основе лежит миф об Орфее из Овидия, и отступления от классических источников

The water is wide, and I can't cross o'er,
And neither have I wings to fly.
Give me a boat that can carry two,
And both shall row, my love and I.

проявляют присущий средневековому сознанию оптимизм и абсолютную веру человека в торжество блаженства над безысходностью. Я нахожу это мировоззрение гораздо более глубоким, нежели сомнения эпохи Ренессанса. Сомнение – оно бывает порой весьма пагубным. Оно занимает определённое место – безверие, я и сам порой от него страдаю...

Эдвард. Ты историю рассказывать будешь?

Майкл. Давным-давно жил-был рыцарь, которого звали сэр Орфео. Он женился на даме, которую звали Эуридица, и они любили друг друга. Жили они в Англии, если точно – в Винчестере. Средневековые поэты склонны переносить древние мифы в знакомое окружение. В этом их прелесть. На чём я остановился? Да, Эуридица была воплощением любви и добродетели, никто не мог описать её красоты. Однажды Эуридица уснула в тени волшебного дерева, и, одним словом, была похищена смертью, которая явилась к ней в образе короля, короля подземного мира.

Эдвард. Он тоже жил в Винчестере?

Майкл. На острове Уайт, вообще-то. Оставь свои шуточки. Её похитила смерть. Орфео, который, кстати, был великим музыкантом, заплакал о жене и отправился в лес, чтобы похоронить себя заживо, ибо знал, куда ты пойдёшь, туда и я с тобою пойду, и куда я пойду, туда и ты пойдёшь со мною... Да, да... Он пришёл в преисподнюю и заиграл на арфе, и отвоевал жену, и благополучно возвратился в Винчестер. Так сэр Орфео сбыл напасти. Дай Бог и нам счастливой части! Аминь.

Эдвард. Очень красиво, Майкл.

Адам. Правда здорово.

Майкл. Есть ещё выпить?

Эдвард. Херес?

Майкл. Попробую-ка я водку-мартини.

Эдвард. Три водки-мартини – заказ принят. Ловите, парни. Будем!

Адам. Будем!

Майкл. В самом деле. Очень вкусно.

Пауза.

Эдвард. Адам, ты какой-то сегодня тихий. Тихий человек.

Адам (*поёт*).

О, благодать, спасён тобой
Я из пучины бед;
Был мёртв и чудом стал живой,
Был слеп и вижу свет.

Прошёл немало я скорбей,
Невзгод и чёрных дней.
Сегодня буду Богу петь,
Как в самый первый день.

О, благодать, спасён тобой
Я из пучины бед;
Был мёртв и чудом стал живой,
Был слеп и вижу свет.⁵

Пауза.

Майкл. Спасибо.

Эдвард. Спасибо.

Адам. Спасибо.

Свет гаснет.

⁵ 'Amazing Grace', христианский гимн.

Amazing grace, how sweet it sounds,
That saved a wretch like me.
I once was lost but now am found,
Was blind, but now I see.

Through many dangers, tall and stern
We have already come.
We have this day to sing God's praise,
Than when we first begun.

Amazing grace, how sweet it sounds,
That saved a wretch like me.
I once was lost, but now I'm found,
Was blind, but now I see.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Майкл с миской в руках, ест. Нетронутая миска с едой стоит и возле Эдварда. Цепь, которой был прикован Адам, пуста.

Майкл. Вкусно. (*Некоторое время ест молча.*) Это курица. И овощи свежие. Слегка переварено для меня. Для тебя пожалуй что недоварено. Но вкусно.

Пауза.

Ты не будешь есть? Ты же голодный.

Пауза.

Ты три дня ничего не ел. Они уже злятся, что ты не ешь.

Пауза.

Не разговариваешь, не ешь – кому от этого легче? Ясно, что наше положение, мягко выражаясь, опасно. Чего, спрашивается, выражаться мягко? Но не доводить же их до крайности! Вот именно до крайности, до предела, так? Чтобы уж наверняка вывести их из себя. Они и так уже на взводе. Знают ведь, что натворили. А теперь мечутся между чувством вины и заносчивостью. Пытаются, так же, как и я, изо всех сил найти этому какое-то здоровое... какое-то успокоение, я же чувствую, что они не хотели убивать Адама... Он мёртв. У меня есть доказательства, у тебя тоже. Моё доказательство в том, что один из них по-настоящему плакал...

Пауза.

Притворялся, чтоб посмеяться над нами – так ты думаешь? Один из них плакал, когда пришёл в эту... в эту камеру. Какой смысл этому верить? Всё враньё? Полное враньё? Не ведись на это, да? Они спрятали его в другом месте? Тебя очень тревожит, что он остался совершенно один. Когда его поймали, он же как-то справился. Справится и теперь. Но ты не будешь есть, пока его не вернут к нам сюда? Он не умер? Ты твёрдо в это веришь. Ничто из моих слов не убедит тебя в обратном? Я правильно тебя понял?

Пауза.

Эдвард. Они его не убили.

Майкл. Чем он мог их остановить?

Пауза.

Адам мёртв, Эдвард.

Эдвард. Тебе надо, чтобы его убили. Тебе будет спокойней, если его убьют. Грохнуть одного из нас, и все дела. После его смерти поднимется крик, и нас спасут. Что, нет? Так вот слушай, выкинь это всё из головы, потому что если грохнули его, могут грохнуть и нас тоже. Собак отстреливают вместе. Не утешайся надеждами на его смерть. Тебя это не спасёт. И меня не спасёт.

Майкл. Да, тебя не спасёт. Надеешься, что спасёт, но ты совершенно прав – его смерть тебя не спасёт. Ты своим собственным языком выносишь себе приговор. Это не мне надо, чтоб его убили. Это ведь тебе надо?

Пауза.

Я тебя не виню. Ты хочешь придать его смерти какое-то... какое-то ощущение жертвенности. У тебя горе, скорбь. Ты с ума сходишь от горя.

Эдвард. Он не...

Майкл (*кричит*). Убит, он убит, ты сам знаешь!

Эдвард. Ничего ты не знаешь.

Майкл. Я знаю, что такое горе. Что такое скорбь. Как они разрушают тебя. Знаю.

Пауза.

Ты же знаешь, что он убит.

Пауза.

Скажи: он убит.

Пауза.

Эдвард. Он умер. Он мне нужен. Господи, он мне нужен.

Пауза.

Как он мог меня бросить? Как он мог так поступить? Как мне всё это выдержать – без него?

Майкл. Похорони его.

Пауза.

Помяни его.

Пауза.

Каким он был?

Эдвард. Хорошим. Добрым. Мог быть жестоким, когда боялся, и хотя он часто боялся, как все мы боимся, он не часто бывал жестоким. Смелым – мог постоять за себя, и за меня, и за тебя. Красивым. Однажды ночью я не мог уснуть и смотрел, как он спит. В ту ночь он спал, как человек, которому не снится ничего из того, что уготовила ему судьба. Он был чистым. Добрым, хорошим. Другом. Наверное, это ясно без слов – любимым, – вот я и не сказал. Он умер. Похорони его. И свет вечный да светит ему. Да упокоится душа его с миром. Аминь.

Пауза.

Майкл.

Любовь меня звала – я не входил:
Я грешен был пред ней,
Но зоркий взгляд Любви за мной следил
От самых первых дней,
Я слышал голос, полный доброты:
Чего желал бы ты?

– Ты мне достойных покажи гостей!
– Таков ты сам, – рекла...
– Ты слишком, при моей нечистоте,
Для глаз моих светла!.. –
Любовь с улыбкой за руку взяла:
Не я ль их создала?

– Я осквернил их, я грешнее всех,
Меня сжигает стыд... –
Любовь: – Не я ли искупаю грех? –
И мне прийти велит
На вечерю: – Насыться хлебом сим! –
И вот я хлеб вкусил...⁶

Пауза.

Эдвард. Я проголодался.

Майкл. Поешь.

Эдвард. Мой друг.

Эдвард ест.

Умер.

Майкл. Мы – нет.

Свет гаснет.

⁶ Перевод Д. Щедровицкого.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Майкл смотрит из стороны в сторону. Эдвард наблюдает за ним. Майкл хлопает в ладоши. Эдвард продолжает молчать. Ахнув, Майкл вновь принимается смотреть из стороны в сторону, потом снова аплодирует.

Майкл. Отличный удар!

Эдвард. Опять дурацкий вопрос, но что это такое ты вытворяешь?

Майкл. Тс-с, это очень важный розыгрыш очка.

Вскакивает на ноги, аплодирует.

О, как сыграно, Вирджиния, как сыграно!

Пока меняются сторонами, могу ответить на твой вопрос. Я пересматриваю финал женского Уимблдона 1977 года. Вирджиния Уэйд из Великобритании против Бетти Стове из Голландии. В год своего серебряного юбилея даже королева в первый раз приехала на Уимблдон. Бедняжке так скучно, что она всё время отвлекается, но Вирджиния уверенно ведёт Британию к победе, и волнение нарастает. Извини, пора продолжать третий сет. Моя подача.

Майкл начинает играть в теннис.

Превосходный удар навывлет! Вирджиния вот-вот одержит верх. Что скажешь, Дэн Маскелл? Я не собираюсь делить шкуру неубитого медведя, но думаю, надо порепетировать пару тактов «Она такой славный малый». Какой чудесный удар! Давай, Вирджиния! Ну же! Тот, кто медлит, или в этом случае, та, кто медлит, потеряет всё. Ага, у Вирджинии ещё одно очко!

Эдвард. Боже милосердный!

Майкл. Что значит – Боже милосердный?

Эдвард. Это что за номер?

Майкл. Я ведь не жалуясь, когда ты пересматриваешь великие скачки, в которых победили ирландцы? Великие футбольные матчи? Великие матчи регби? Я проникаюсь духом обстоятельств. Веселюсь. И тебе бы не мешало.

Эдвард. Да мне просто жалко бедную крошку Бетти Стове.

Майкл. Бедная крошка Бетти Стове метр восемьдесят ростом и весит семьдесят с лишним килограммов.

Эдвард. А для матери она всё равно бедная крошка Бетти.

Майкл. При чём здесь её мать? Вирджиния играет, чтобы выиграть, и выигрывает.

Эдвард. Так не честно.

Майкл. Такова история.

Эдвард. Начхать на историю, я болею за Бетти. Чья подача?

Майкл. Моя.

Эдвард. Поехали, Вирджиния.

Майкл, готовясь к подаче, четырежды откидывает голову назад.

Ты что делаешь?

Майкл. Напряжённый момент матча. В напряжённый момент Вирджиния всегда откидывает голову.

Эдвард. Это отвлекает.

Майкл. Такая привычка.

Эдвард. Дурная привычка. Нельзя...

Майкл внезапно подаёт.

Майкл. Ещё один удар навывлет. Мой гейм.

Эдвард. Как так? Я не успел подготовиться.

Майкл. Мой гейм.

Эдвард. Я не успел подготовиться. Я иду к судье. Что мне делать, Адам?

Смотрит на пустую цепь. Пауза. Внезапно Эдвард начинает говорить громко, подражая речи американцев.

Ты серьёзно, что ли? Ты серьёзно, что ли? Ты что, слепой? Ты тупой? Это что за херотень? Твою мать!

Майкл. Надеюсь, до тебя дойдёт, что Джон Макинрой не участвовал в финале женского турнира семьдесят седьмого года.

Эдвард. Ты о чём? Я – Бетти Стове, я просто задаю вопрос. Можешь дать мне ответ? Я всего лишь спрашиваю...

Майкл. Мало кто знает, но в юности Вирджиния Уэйд была чемпионкой по боксу. Она применяет к мисс Стове чистый двойной и посылает ей кручёный. В самый первый раз финал Уимблдона закончился нокаутом. Вот так Вирджиния! Вирджиния выиграла Уимблдон! Вирджиния пойдёт пить чай с королевой! Ваше величество!

Майкл делает реверанс.

Эдвард. Чего?

Майкл. Ваше величество! Преподнеси мне награду и скажи что-нибудь.

Эдвард. Я теперь королева?

Майкл. Да.

Эдвард. Здравствуйте!

Майкл. Здравствуйте!

Эдвард. Это вам.

Майкл. Благодарю вас.

Эдвард. А чем вы занимаетесь?

Майкл. Что значит – чем я занимаюсь? Ты только что видел, как я выиграла Уимблдон!

Эдвард. Ах, да, это было очень красиво.

Майкл. Благодарю.

Эдвард. Вы, наверное, много потеете, играя в теннис.

Майкл. Потею, да.

Эдвард. Это ваша ракетка? Какая потная, я люблю, когда пот.

Майкл. Королева не торчит от пота!

Эдвард. Почему? Всем известно, что запах пота заводит.

Майкл. Всё, хватит! Могу я получить назад свою ракетку?

Эдвард. С удовольствием.

Майкл. Ах, я так устала после трёх тяжёлых сетов.

Эдвард. Вне всякого сомнения.

Пауза.

Майкл. А ты очень волосатый, Эдвард. Я только сейчас заметил. Никогда не проводил тест с шифоновым платком?

Эдвард. «Иммак»?

Майкл. А, ты такой старый, что ещё помнишь депиляторы «Иммак»? Одного моего друга очень беспокоили волосы на теле. И когда он прочитал про «Иммак», то пошёл в аптеку и купил. Женщине за прилавком он сказал, что это для матери. Он сработал, этот «Иммак». Но когда он взял платок, чтобы провести тест, – помнишь, побрейте одну ногу станком, а на другую нанесите «Иммак», и после «Иммака» платок должен соскользнуть с ноги – а в тот раз не соскользнул. «Иммак» не затвердел. Платок приклеился к ногам. Ор стоял жуткий. Правда. Произошло на самом деле с одним моим другом.

Эдвард. Сколько лет тебе тогда было?

Майкл. Стыдно сказать – семнадцать. Как ты догадался, что это я?

Пауза. Майкл поёт.

Эй, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай!
Бродит охотник здесь – не зе-вай!
Ты врага оставь без пирога.
А ну, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай!⁷

Пауза.

Вообще-то будет весело, если кто-то из нас притворится кроликом.

Пауза.

Давай я буду кроликом, а ты пой?

Пауза.

Эдвард.

Эй, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай...

Майкл насколько позволяет цепь мечется по камере.

Какого хрена ты выделяешь?

Майкл. Изображаю кролика.

Эдвард. На кролика ты не похож нисколько.

Майкл. У тебя лучше получится?

Эдвард. Пой песню.

Майкл поёт, Эдвард изображает кролика:

Майкл.

Эй, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай!

⁷ Run, Rabbit, run, Rabbit,
Run, run, run,
Here comes the farmer with his big gun,
He'll get by without his rabbit pie,
So run, Rabbit, run, Rabbit,
Run, run, run.

Бродит охотник здесь – не зе-вай!
Ты врага оставь без пирога.
А ну, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай!

Эдвард. Вот это называется кролик.

Майкл. По мне, так больше похоже на кенгуру.

Эдвард. Да с какого хрена похоже на кенгуру-то?

Майкл изображает Эдварда, который изображает кролика.

Майкл.

Эй, Кролик, эй, Кролик,
У-бе-гай...

Эдвард. Вот нисколько на меня не похоже.

Майкл. Похоже, и ты знал, что выглядишь глупо.

Эдвард. Не я первым начал эти глупости.

Майкл. Нет. Нет, не ты.

Пауза.

Эдвард. Когда я писал о беспорядках там, у нас дома, я брал интервью у женщины из Дерри. Ей разбили окно, я попросил её по неопытности – я был тогда начинающим репортёром – коротко описать, что происходит. Она ответила: «Сынок, всё, что здесь происходит, можно описать в двух словах. Дурость. Дурость».

Майкл. Это правда мы виноваты в беспорядках там, у вас дома? Это англичане виноваты?

Эдвард. Дурость.

Майкл. Это мы сами виноваты, что оказались здесь?

Эдвард. Дурость.

Майкл. Эти дети, что нас держат в плену, у них есть причины нас ненавидеть?

Эдвард. Дурость.

Майкл. Опиши в двух словах, что с нами происходит.

Эдвард. Господи, помоги нам.

Майкл. Это три слова.

Эдвард. Господи, узри и услышь нас.

Майкл. Пять слов.

Эдвард. Господи и Пресвятая Матерь Твоя, помогите нам.

Майкл. Дурость.

Эдвард. Да.

Майкл. Дурость.

Пауза.

Эдвард. Они думают, у нас нет веры, эти арабы. Какая дурость.

Майкл. А у нас есть вера?

Эдвард. Тебе нужны доказательства?

Майкл. Да. Нужны.

Эдвард. Кто выиграл женский Уимблдон в 1977 году?

Майкл. Англичанка.

Эдвард. Вот тебе и доказательство, что Бог есть.

Майкл. Молодец, Вирджиния!

Эдвард. Молодец, Вирджиния!

Майкл. Бедная крошка Бетти Стове.

Эдвард. Кому-то приходится проигрывать. В любой игре кто-то всё равно окажется проигравшим.

Майкл. Да, такова история.

Эдвард (*поёт*).

Она такой славный малый,
Она такой славный малый,
Она такой славный малый,
Об этом знаем мы все.⁸

Свет гаснет.

8

For she's a jolly good fellow,
For she's a jolly good fellow,
For she's a jolly good fellow,
Which nobody can deny.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Эдвард усердно тренируется. Майкл тренируется менее усердно.

Эдвард начинает горланить песню.

Эдвард.

Бубенцы, бубенцы
Радостно звенят.

Майкл задыхаясь подпевает.

Майкл.

Звон идёт во все концы,
Саночки летят.

Эдвард.

Рождество, Рождество
Праздновать велят.⁹

Пауза.

Майкл. Мне стало чуть легче делать десять отжиманий.

Эдвард. Молодцом.

Майкл. Я чувствую, что понемногу становлюсь сильнее. Просто чудовищно, как сидячая работа превращает тебя в развалину.

Эдвард неистово тренируется. Потом неожиданно останавливается.

Эдвард. Ты точно знаешь, что сегодня Рождество?

Майкл. Почти уверен.

Эдвард. Сейчас день или ночь?

Майкл. Не могу сказать.

Эдвард. В Рождество с нами ничего не случится, даже если они не празднуют.

⁹ Рождественская песня.

Jingle bells, jingle bells,
Jingle all the way.

Oh what fun it is to ride
On a one-horse open sleigh.

Hurrah for dear old Santa Claus,
Hurrah for Christmas Day.

Майкл. Ну, конечно.

Эдвард. Я сваливаю отсюда. Уезжаю.

Майкл. Не получится. Ты прикован к стене, Эдвард.

Пауза.

Я догадываюсь, что сейчас произойдёт. Ты начнёшь придуриваться, а потом горевать. Не упоминай, пожалуйста, о семье. От того, что ты ударишься в воспоминания, никому из нас легче не станет.

Пауза. Эдвард поёт.

Эдвард.

Ступайте, все верные,
Пойте, ликуйте,
Придите, придите все в Вифлеем.¹⁰

Пауза.

А в яслях младенец Иисус. Который и устроил нам всю эту подлянку. Понимаешь ты это? Если б мы родились мусульманами, такого бы не произошло. Всё его вина. Или же отцов наших вина и матерей наших вина, что уверовали в него.

Эдвард поёт.

Ступайте, все верные,
Пойте, ликуйте,
Придите, придите все в Вифлеем.

Пауза.

Коротаем время в Рождество. Мир на земле, благоволение всем человекам. Мир – что значит «мир», Майкл?

Пауза.

Мир – это когда лежишь рядом с женщиной. Прикасаешься к ней, случайно – такой нежной. Чувствуешь, как она пахнет – не воняет, как мы. Слушаешь, как она дышит. Спит себе мирно – ни единого звука. Только дышит. Слушаешь, слушаешь. Мир вдвоём, пока она спит, а я не смыкаю глаз – хорошо, хорошо-то как. Я прижмусь к её животу, поцелую и буду на седьмом небе от счастья. Она придвинула ноги во сне, я обнимаю их, хочу поднять и зачать этим утром, утром Рождества, в счастливой-счастливой постели, нашей постели. С женой. С женой. Но кто здесь есть, кроме тебя, Майкл?

¹⁰ Католический рождественский гимн.

Oh come, all ye faithful,
Joyful and triumphant,
Oh come ye, oh come ye, to Bethlehem.

Эдвард смеётся.

Бывают дни, когда мне противно видеть тебя, слышать тебя. Я чувствую твой запах. Мне противно. Противно от твоего вида. Твоего голоса. Меня тошнит от твоего запаха.

Майкл. Ты спал с Адамом?

Пауза.

Спал?

Эдвард. Нет.

Майкл. А хотел бы?

Пауза.

Эдвард. Нет.

Пауза.

Веришь мне?

Майкл. У тебя не было возможности. А если б была возможность, если б ты не сидел на цепи, если б меня здесь не было, ты переспал бы с ним?

Пауза.

Если б знал, что он должен умереть, переспал бы с ним?

Пауза.

Красивым. Добрым, хорошим.

Эдвард. Нет. Я не стал бы с ним спать.

Пауза.

Я хотел бы ещё ребёнка. Я хочу ещё ребёнка.

Майкл. Да.

Эдвард. Мне надо стать отцом своим детям.

Майкл. Да.

Эдвард. Что если я не выберусь живым? Всякое может случиться. Я курил больше двух пачек в день, пока эти гондоны меня не сцапали. Может, у меня рак. Не смейся надо мной. Это лечится, даже рак лёгких, если вовремя обнаружить. У меня отец от него умер, а здесь даже врачей нет. Понимаешь, с Адамом я чувствовал себя в безопасности. Случись со мной что не так, он же врач – язык хорошо подвешен. Я ему доверял. Он бы сказал им, что я болен. Мне надо домой. Я собирался приехать на Рождество. Я хочу домой, Майкл. Сегодня Рождество. Я хочу быть дома.

Майкл. В Рождество мой отец отсутствовал. Много лет. Он был в плену во время войны. Вернулся совсем чужим.

Пауза.

Так и остался чужим, бедняга. Он никогда не говорил о войне. Не в его характере такие разговоры. Он умер, умер из-за мучений, которые пришлось вытерпеть во время войны. Я так и не сказал ему, что для меня он был героем. Что мучения, его мучения были не напрасны. Но мой отец... знать моего отца... любить моего отца...

Майкл избегает взгляда Эдварда.

Прошу прощения.

Эдвард. Конечно.

Пауза.

Майкл. Иногда они говорили тихонько о войне, вернее, говорила мать. Как сильно были напуганы люди, но никак этого не показывали. В крови у нас это, наверное. Не выказывать страха, даже если ты трус. Ребёнком я никогда не плакал, я и сейчас не плачу... Да, да. Однажды вечером я ни с того ни с сего заснул и проснулся у отца на коленях. Он сидел перед матерью, плакал и говорил ей: «Только не вздумай ему рассказать, как там было, только не вздумай ему рассказать». И у меня нестерпимо заболело ухо. Я думал, у меня голова разорвётся от боли. Я лежал и слушал, хотя уже знал, что он рассказывал ей про войну и, по всей видимости, про лагерь и что мне не следует этого слышать. Он всё время называл её по имени, повторял его снова и снова. Я сказал: «Я проснулся. У меня болит ухо». Он потёр мне ухо. И сказал: «Есть такой город, называется Спарта. Там живут отважные солдаты. Когда им больно, они показывают это тем, что сдерживают боль. Не бойся боли. Не бойся её сдерживать. Тебя вырастила сильная женщина. Самые отважные мужчины порой ведут себя, словно женщины. Перед сражением спартанцы расчёсывали друг друг волосы. Враги подняли их на смех, кричали, что они уподобились женщинам. Но спартанцы выиграла сражение». По сути это был наш единственный разговор. Я был достаточно взрослым, чтобы запомнить каждое слово.

Пауза.

Хотя у нас был с ним ещё один разговор. Уже после его смерти. Я читал стихотворение на староанглийском, называется «Странник». В пустынном холодном краю сидит одиноко человек и вспоминает, как были у него друзья, были мечты, а теперь он всеми покинут. И я услышал отца. Услышал его веру. Услышал в этом старинном стихотворении, он говорил голосом Англии, которая говорила сама с собой, в первый раз. Начало и конец нашей Англии. Одна строчка не даёт мне покоя. *Oft him anhaga are gebifeth.* Я так долго пытался понять её до конца. Мне кажется, это значит: «Человек, который остался один, может иногда почувствовать жалость, жалость к самому себе».

Пауза.

Мы цепляемся за нашу драгоценную жизнь, оплакиваем утраты – мой отец умер – но принимаем судьбу. *Wyrð bith ful araed.* В том же стихотворении. *Wyrð bith ful araed.* Судьба есть судьба. Когда я читаю «Странника», в меня словно вселяется дух отца. Я проникаюсь состраданием к нему, к Англии. Я люблю свою страну, потому что очень люблю её литературу. Я горжусь тем, что преподавал её. Эта гордость и – да, именно гордость, – вот что позволяет мне сохранить здесь разум. Возлюбленная мать моя, помни обо мне... возлюбленный отец мой, по ком тоскую, помолись за меня... возлюбленная жена моя, по ком тоскую, возлюбленная жена моя... Лучше бы мне лишиться жизни, чем вот так лишиться... жены. Дурость. Её смерть – какая-то дурость.

Майкл смеётся.

Эдвард. Что с ней случилось?

Майкл. Дурость.

Эдвард. Как она умерла?

Майкл. Разбилась на машине. Ехала на работу. В мае месяце. Меня с ней не было. Я редактировал дома статью. Зазвонил телефон, и мне из университета сказали, что она без сознания на месте аварии. Я всё понял. Сел возле телефона. Через полчаса мне позвонили сказать, что она умерла. Я поехал на опознание. Она казалась ребёнком, который упал с велосипеда. Это я уговорил её купить машину. Мы оба работали. Могли позволить себе машину. Воплощение любви и добродетели. Ушла. Такова жизнь. Потом какое-то время я спал, оставляя на ночь свет в спальне. Но однажды ночью я свет погасил. Ушла. С Рождеством, Эдвард!

Эдвард. С Рождеством, Майкл!

Майкл. Я так и не научился водить.

Эдвард. Вот ни фига не удивляюсь, солнышко.

Майкл. Да, я весёлый паренёк.

Эдвард. Что ты хочешь на Рождество?

Майкл. Мне подарят подарок?

Эдвард. Всё, что пожелаете, сэр.

Майкл. Ну, меня вполне бы устроила мягкая мочалка для лица.

Эдвард. Ушам не верю.

Майкл. Без неё совершенно неудобно.

Эдвард. Сидим в засранной дыре, никакой связи с родными, лишены всего – я предлагаю ему целый мир на блюде, и что он просит? Мочалку для лица.

Майкл. Я человек простых вкусов. Я не прошу многого.

Эдвард. Ну, раз уж ты был хорошим мальчиком, я подарю тебе нечто особенное. Смотри, это машина.

Майкл. Это чудовищно дурной вкус, Эдвард.

Эдвард. Новая машина. Прыгай.

Майкл. Запрыгнул.

Эдвард. Включай зажигание.

Майкл. Вас понял. Дальше?

Эдвард. Когда учишь кого-то водить, лучше всего дать им самим во всём разобраться, не подгонять. Что, по-твоему, делать теперь?

Майкл. Я ставлю ногу на эту штуковину?

Эдвард. Ставь ногу на штуковину.

Майкл. И берусь за волшебный штурвал.

Эдвард. За волшебный штурвал.

Майкл. А если надо побыстрее, жму на этого молодчика?

Эдвард. Да.

Майкл. А чтобы медленнее, отпускаю?

Эдвард. Да.

Майкл. Господи, едет, едет! Я веду машину! По правде веду машину! Смотрите, я веду машину!

Эдвард. Помаши людям, они тебе хлопают!

Майкл по-королевски машет рукой.

Майкл. Я как пьяная королева-мать.

Эдвард. Не хочется нагонять страху на королеву-мать, но посмотри-ка назад. За нами гонятся.

Майкл. Кто?

Эдвард. Враги. Гони всю – стреляют!

Майкл. Жать на молодчика?

Эдвард. Жми, жми, жми! Догоняют!

Майкл. Я жму, жму!

Эдвард. Давай, братан! Быстрее, быстрее! Помнишь, Стив Маккуин в «Большом побеге»?

Майкл. Что с ним?

Эдвард. Попался. Хер с ним! Наплюй на Маккуина! Гони быстрее!

Майкл. О, Боже, Эдвард, я не могу удержать штурвал! Он меня не слушается. Живёт сам по себе. Придётся ехать, куда он нас везёт. Держать ногу на штуковине?

Эдвард. Держи ногу на штуковине.

Майкл. Эдвард, машина взлетает! Она летит! Это летучая машина!

Эдвард. Машины не летают!

Майкл.

Это – Чити-Чити Бум-Бум,
Чити-Чити Бум-Бум – не секрет:
Лучше Чити-Чити Бум-Бум,
Чити-Чити Бум-Бум в мире нет!

Эдвард начинает подпевать.

Вместе.

Вперёд – нас с тобой везёт
Наш старый, добрый, верный друг!
Бум-Бум Чити-Чити Бум-Бум,
Куда глядят глаза!
Бум-Бум Чити-Чити Бум-Бум,
Четыре колеса!¹¹

Майкл. А-а-а!

Эдвард. Где мы?

¹¹ Песня из британского музыкального фильма для детей «Пиф-паф ой-ой-ой!», снятого по роману Яна Флеминга.

Oh you, Chitty-Chitty Bang-Bang,
Chitty-Chitty Bang-Bang we love you,
And our Chitty-Chitty Bang-Bang,
Chitty-Chitty Bang-Bang loves us too.

Heigh-ho, everywhere we go,
On Chitty-Chitty wheels we say,
Bang-Bang Chitty-Chitty Bang-Bang,
Our fine four-fendered friend,
Bang-Bang Chitty-Chitty Bang-Bang,
Our fine four-fendered friend.

Майкл. Пролетаем над морем. Это всё осталось позади. Смотри, Эдвард, Европа. Я вижу Францию, и Германию, и Италию. Какая же Европа красивая! Привет, Европа, ты как? Скучала по нам? Смотри, Эдвард. Там, внизу. Англия. Видно берег Англии. Это, наверное, Дувр. Вон над белыми скалами Дувра синие птицы!

Эдвард. Вижу. Одна тебе только что на голову насрала.

Майкл. Пускай. Мы летим от Дувра дальше на север. Над Лондоном. Ага, а вон и Парламент и все те, кто в нём обитает, кто оставил меня гнить в ливанской тюрьме! Насрать бы на них, да жалко зря говно хорошее тратить! Поехали дальше! Уже видно шпиль, который мне нужен. Давай вниз, Чити! Веселей, Эдвард! Мы в Питерборо. Видишь собор? Я давно хотел это сделать и сделаю. Чити отвезёт нас на самую верхушку собора, и я взгляну на него из-под крыши.

Эдвард. Не смей!

Майкл. Посмею! Надо быть очень смелым, чтоб забраться под крышу. Обычно даже на третий уровень никого не пускают.

Эдвард. Опустим меня вниз, я же не переношу высоты!

Майкл. Посмотри, какой изумительный западный фасад. Десница Божия. Восхитительная архитектура. Я прошу прощения за витражи. Викторианские. Ужас. Нет, прелестны по-своему, но это уж я из великодушия.

Эдвард. Опустим меня вниз.

Майкл. Не паникуй. Ты в надёжных руках. Я вот жутко боялся водить, но благодаря тебе обуздал этот страх, и когда ты в машине рядом со мной, я чувствую себя вполне уверенно.

Эдвард. Открою тебе тайну. Я тоже не умею водить.

Майкл пронзительно кричит.

Майкл. Мы падаем! Падаем!

Эдвард. Не отпускай штурвал, держи ногу на штуковине!

Майкл. Держу!

Эдвард. К молодчику не лезь!

Майкл. И пальцем не трогаю!

Эдвард. Ничего не вижу! Что случилось?

Майкл. Всё нормально, мы опять летим.

Эдвард. Хороший мальчик, Чити-Чити, хороший!

Майкл. По-моему, Чити-Чити – девочка.

Эдвард. И куда она сейчас направляется?

Майкл. Летит на запад, над Англией, пролетает Бирмингем, и Ливерпуль, теперь твоя очередь. Говори, где мы.

Эдвард. Господи, вижу – дом, Ирландия. Взгляни на неё. На её очертания. На цвет. Зелёная, она зелёная. Я снова вижу зелёный цвет. Хорошая девочка, Чити-Чити. Вперёд. Ниже, ниже, ниже. Мы приземлились?

Майкл. Да, благополучно.

Эдвард. Езжай.

Майкл. Куда?

Эдвард. Просто поезжай. Сегодня Рождество. Отвези меня туда, куда мы ходим в Рождество. Хочу побродить среди могил. Хочу увидеть отца, его могилу. Мне надо поговорить с ним. Вот и всё. Поговорить с ним.

Пауза.

Папа, это я. Эдвард. Твой сын, помнишь? Узнаёшь меня?

Пауза.

Меня давно не было, папа. Ты узнал меня?

Пауза.

Сын, я скоро умру, сын.

Пауза.

Ты никогда не умрёшь, папа. Никогда.

Пауза.

Нет, сын, умру.

Пауза.

Ты ещё нас всех переживёшь, папа.

Пауза.

Я попаду в ад, сын?

Пауза.

В ад? Такого места нет, папа.

Пауза.

Помолись за меня. Помолись за меня.

Пауза.

Я не доживу до утра. Слышишь, как я дышу?

Пауза.

Да.

Пауза.

Да, я слышу, как ты дышишь.

Эдвард поёт.

Расскажи сказку,
Расскажи сказку,
Расскажи сказку, тогда я и усну.

Пауза. Эдвард смеётся.

Тебе что-нибудь нужно, папа? Нужно что-нибудь? Расскажи сказку, расскажи...

Пауза.

Священник пришёл ко мне, сын. Служит мессу. Помолись за меня. Я попаду в ад?

Пауза.

Ад есть, папа. И я сейчас там. Мне очень страшно, папа. Спаси меня, пожалуйста. Пожалуйста, вытащи меня отсюда. Возьми меня на руки и унеси. Если ты в раю, ты спасёшь меня?

Майкл. Смейся, Эдвард.

Эдвард. Они побили меня.

Майкл. Они и правда тебя побили.

Эдвард. Спаси меня.

Майкл. Они услышат, как ты плачешь. Смейся.

Пауза.

Смейся, сволочь такая, смейся.

Пауза.

Смейся.

Свет гаснет.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Эдвард освобождён от цепи, одевается. Майкл наблюдает. Молчание.

Эдвард. Мне помогло, что я ирландец. Уж не знаю, какую сделку заключило правительство.

Майкл. Да.

Пауза.

Эдвард. Первым делом поеду к твоей матери.

Майкл. Хорошо.

Эдвард. Скажу, что с тобой всё нормально.

Майкл. Да, будь добр. Успокой её.

Эдвард. Конечно.

Пауза.

Майкл. Эдвард, если она умерла...

Эдвард. Она жива, Майкл.

Майкл. Да. Передавай большой привет жене и детям и скажи, что я очень жду встречи с ними.

Эдвард. Передам. Расскажу им всё про тебя.

Майкл. Хорошо.

Эдвард. Ничего не забуду.

Майкл. Мне будет тебя не хватать.

Эдвард. А мне тебя.

Пауза.

Ты справишься?

Майкл. Я – отчаиваться? Никогда. Не забывай, я болею за «Питерборо Юнайтед».

Эдвард. Это точно. Они отпускают меня из-за Адама. Видимо, стали нужны благоприятные отзывы. Он спасёт нас, он присматривает за нами...

Майкл. Ты на свободе, а я здесь.

Пауза. Эдвард надевает галстук.

Эдвард. Обычно я никогда этого не ношу. Лучше делать хорошую мину. Раз уж меня побили.

Майкл. Да, они тебя всё-таки побили.

Эдвард. Не знаю, что я буду делать, когда выйду.

Майкл. Не изводи себя. Много не пей.

Эдвард. Не буду. Обещаю. Нас должны отпустить вместе.

Майкл. Не отпускают.

Эдвард. Нет.

Майкл. Когда ты плакал, тебя слышали. Меня нет. Может, я плакал не так громко, как надо. Может, они решили, что я ещё недостаточно пострадал. Вот зачем это всё? Увидеть, как мы страдаем? Но с какой целью? Зачем это всё? Я не знаю. И никогда не узнаю. Ты знаешь, за всё то время, что я здесь, мне ни разу не снилось, будто я взаперти. Во сне я всегда свободен. Свободный человек. И я очень хочу, чтоб мои сны сбылись. Ты им расскажешь об этом? Может быть, без тебя сны станут другими. Может быть, я даже спать не смогу.

Эдвард. Сможешь. Так надо. Надо поддерживать силы. Я не знаю никого сильнее тебя. Я – я не такой. Мне нужен ты. В общем, если что, я присматриваю за тобой.

Майкл. Уж это-то я знаю.

Эдвард. Спи, смотри сны.

Майкл. Буду. Иди, а то они ещё передумают.

Эдвард. Да, да.

Из кармана пиджака Эдвард достаёт расчёску. Эдвард подходит к Майклу. Эдвард расчёсывает Майклу волосы и подаёт ему расчёску. Эдвард склоняет голову. Майкл расчёсывает Эдварду волосы. Майкл отдаёт Эдварду расчёску.

Да.

Майкл. Да.

Эдвард. Удачи.

Майкл. Удачи.

Эдвард уходит. Майкл стоит неподвижно. Его тело начинает судорожно трястись. Он овладевает собой. Пауза.

Oft him anhaga are gebifeth. Wyrð bith ful araed.

Пауза.

Куда ты пойдёшь, туда и я с тобою пойду, и куда я пойду, туда и ты пойдёшь со мною.

Пауза.

Да. Да. Удачи.

Майкл звенит цепью.

Удачи.